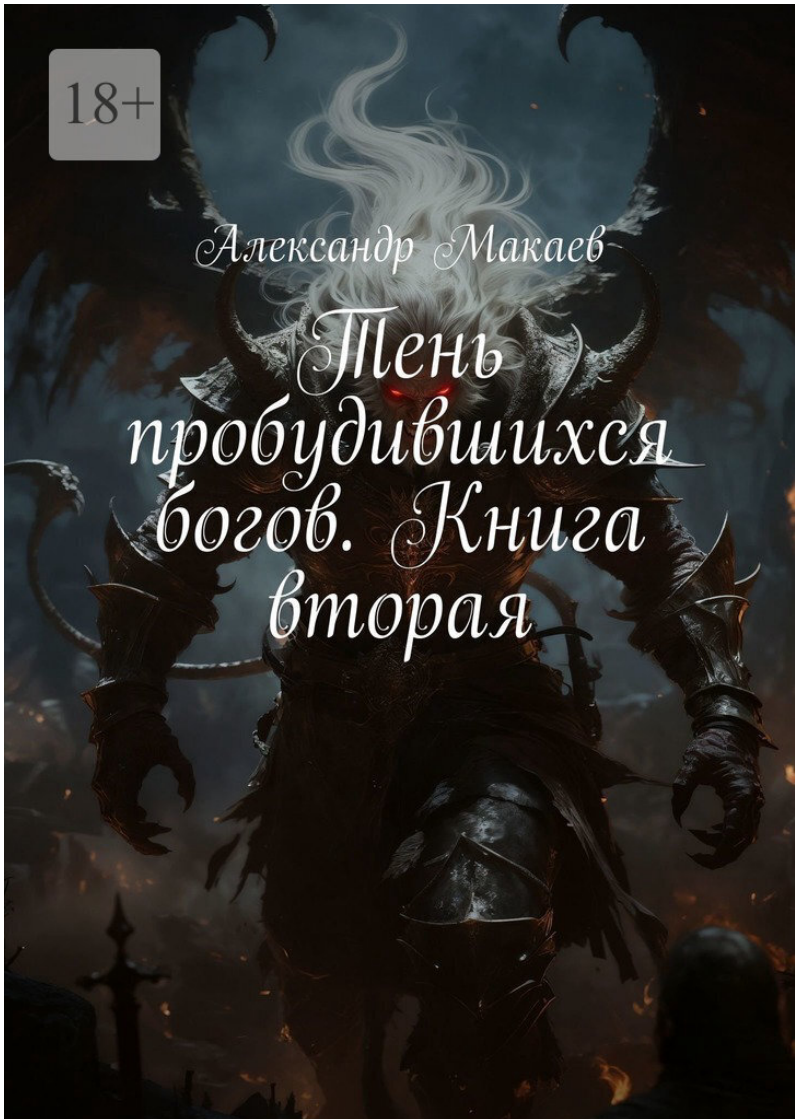

18+

Александр Макаев

Тень
пробудившихся
богов. Книга
вторая

Александр Владимирович Макаев

Тень пробудившихся богов. Книга вторая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72592093
ISBN 9785006815438*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Бывший палач, ныне король изгоев – не обретает покоя. Его душа разорвана: в нём бушует голод Падших богов, а сердце опустошено утратой. Мир, едва оправившийся от одной войны, уже трещит по швам под натиском новых угроз. Из глубин Подземья выползает Эхо Ллос – живая чума, рождённая болью древней богини. Спящий Бог пробуждается, Инквизиция точит мечи, а в пустынях Кхема зреет соблазн абсолютной власти – Сердце Аримана, способное стереть в прах даже бессмертных.

Содержание

КНИГА ВТОРАЯ: ТЕНЬ ПРОБУДИВШИХСЯ БОГОВ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Тень пробудившихся богов. Книга вторая

**Александр
Владимирович Макаев**

© Александр Владимирович Макаев, 2025

ISBN 978-5-0068-1543-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0068-1544-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ВТОРАЯ: ТЕНЬ ПРОБУДИВШИХСЯ БОГОВ

Глава 1. Разговоры в Преддверии Бури

Затишье, повисшее над северными землями, было обманчивым, как гладь омута перед тем, как из его глубин вырвется чудовище. Империя Каэля, этот странный конгломерат из изгоев, варваров и беженцев, лихорадочно готовилась к войне, которую чувствовали все – от последнего гоблина-рудокопа до драконов в своих горных пиках. Но война эта велась пока не сталью, а словами, страхами и тайными сделками.

Сцена 1. Цитадель Ветров. Шелк и Яд.

Лисса сидела в кресле, обитом парчой, в кабинете Лорда Валериуса, который теперь больше походил на ее личный кабинет. Сам Валериус стоял у окна, нервно теребя перстень на пальце. Его самоуверенность и высокомерие испарились, оставив лишь оболочку из страха и загнанной хитрости.

– Они отказываются, – процедил он, не оборачиваясь. – Послы из вольных городов Южного Тракта. Они боятся. Говорят, союз с нами – это смертный приговор от Инквизиции.

– Боятся? – Лисса лениво отхлебнула из бокала с вином, которое, в отличие от Валериуса, не боялась пить. – Дорогой мой Лорд-регент, страх – это не препятствие. Это ин-

струмент. Как и жадность. Или похоть. Нужно просто знать, на какой рычаг нажать.

– Их главный рычаг – это страх перед Священным Пламенем! – взорвался Валериус. – Этот новый Инквизитор, Гектор, он не Малахиус. Он не будет вести переговоры. Он сожжет их города дотла, если они хоть словом заикнутся о союзе с нами!

Лисса поставила бокал и медленно поднялась. Она подошла к Валериусу и встала рядом, глядя на заснеженные крыши города.

– Вы все еще мыслите, как торговец, Валериус. А нужно мыслить, как игрок. Инквизиция предлагает им смерть за неповиновение. Что можем предложить мы?

– Золото? Оружие? – неуверенно предположил он.

– Банально, – она цокнула языком. – Мы предложим им то, чего у Инквизиции нет. Мы предложим им **выбор**.

Она повернулась к нему, и ее глаза цвета аметиста хищно блеснули.

– Вы отправите к ним новых послов. Не с просьбами. А с информацией. Подробными картами расположения легионов Гектора. Графиками движения их патрулей. Списками их агентов в городах. И... с несколькими образцами нашего нового товара.

Она достала из потайного кармана маленький флакон, в котором клубился черный, маслянистый дым.

– Алхимическая чума, разработанная моими дроу-умель-

цами. Не смертельная. Но она поражает только тех, в чьей крови есть частица «божественной искры». Проще говоря, жрецов и паладинов. Вызывает жуткую чесотку и временное помешательство. Представьте себе лицо архиепископа, который начнет нести ересь прямо во время проповеди.

Валериус смотрел на нее с ужасом и восхищением.

– Вы хотите, чтобы они начали партизанскую войну? Сами?

– Я хочу, чтобы они поняли, что нейтралитет закончился. Инквизиция видит в них лишь топливо для своего костра. А мы видим в них партнеров. Мы даем им кинжал и показываем, где у врага спина. А уж вонзят они его или нет – это будет их собственный, осознанный выбор. А когда они его сделают, они приползут к нам сами. Не из страха. А из отчаяния. А отчаяние, мой дорогой Лорд-регент, – это самый крепкий клей для любого союза.

Сцена 2. Великая Степь. Сталь и Честь.

Ульфгар и Бьорн стояли на вершине Кургана Предков, глядя на свою орду. Десятки тысяч воинов, чья ярость теперь была подчинена дисциплине, оттачивали свое мастерство. Конница училась атаковать клином, пробивая строй тяжелой пехоты. Лучники – стрелять залпами по команде, создавая стену из стрел.

– Они становятся армией, – пророкотал Бьорн, его борода развевалась на ветру. – Но их сердца беспокойны. Они победили людей в белых одеждах, но враг теперь невидим. Он –

в слухах, в страхе.

– Страх – это такой же враг, как и легион, – ответил Ульфгар. – И с ним нужно сражаться.

К ним подошла Лия. Она выглядела уставшей, но ее глаза были полны решимости.

– Вампиры на севере снова активизировались. Они не нападают. Они соблазняют. Они приходят в малые, отдаленные кланы, которые еще не примкнули к нам. Они приносят им еду, лекарства. Они говорят, что Ночной Князь – их защитник. А мы, союз Каэля, – предвестники войны, которая уничтожит их всех.

– Лживые шакалы! – взревел Бьорн. – Мы должны пойти и вырезать их!

– Нет, – остановила его Лия. – Если мы ответим силой, мы лишь подтвердим их слова. Мы должны ответить... мудростью.

– У тебя есть план, Дитя Света? – спросил Ульфгар.

– У меня есть история, – ответила Лия. – В каждом клане есть сказители, хранители легенд. Я хочу собрать их всех. Здесь, на этом кургане. Я расскажу им новую легенду. Не о битвах и героях. А о выборе. О двух чашах. В одной – сладкий, но отравленный ядом рабства мед вампиров. В другой – горькая, но чистая вода свободы, за которую нужно сражаться. Пусть они сами разнесут эту историю по всей Степи. Слово сказителя для нашего народа весит не меньше, чем слово вождя.

Ульфгар долго молчал, глядя на нее.

– Ты мыслишь не как воин, девочка. Ты мыслишь, как Мать. Как та, что заботится о душе нашего народа. Хорошо. Собирай своих сказителей. А мы с Бьорном... мы напомним нашим воинам, что сталь – это лучший аргумент для тех, кто не хочет слушать сказки. Мы проведем Великую Охоту. Но не на зверей. А на вампирских эмиссаров. Пусть их головы, насаженные на пики, украсят границы нашей земли. Пусть все видят, какова цена за ложь.

Свет и Тень. Слово и Сталь. Степь готовилась к своей войне, и ее оружие было двойным.

Сцена 3. Твердыня Пепла. Тьма и Пустота.

Каэль стоял перед Оком. Артефакт лежал на базальтовом алтаре в его личных покоях, и туман внутри него медленно клубился, показывая обрывки будущего, прошлого, настоящего. Он научился не просто смотреть, а спрашивать.

– Покажи мне его, – прошептал он.

Туман сгустился, и в нем проступила фигура. Азраил. Он шел по заснеженному тракту, одетый в рванье, среди колонны беженцев. Никто не обращал на него внимания. Он был никем. Но Око видело его суть. Вокруг его фигуры не было ауры. Была лишь... дыра. Слепое пятно в ткани реальности.

– Он не ищет тебя, – прошелестел беззвучный голос Ока в разуме Каэля. – Он ждет, когда ты придешь к нему. К Клинку. Он – страж. Последний экзаменатор. Он не убьет тебя, пока ты не сделаешь выбор.

– Покажи мне Спящего.

Образ сменился. Теперь это была не картинка, а ощущение. Бесконечная, всепоглощающая агония и одиночество.

– Он знает, что ты знаешь, – шептало Око. – Он больше не видит в тебе просто сосуд. Он видит в тебе ключ к своему освобождению. Он готовит тебе предложение. Он покажет тебе мир, каким он мог бы быть. Без боли. Без потерь. Идеальный. Он попытается соблазнить тебя не силой, а состраданием.

Каэль отвернулся от Ока. Голова гудела. Знание было тяжестью.

Дверь в его покои открылась. Вошел Мал'кор. Его лицо, обычно непроницаемое, было встревоженным.

– Повелитель. Из Мензоберранзана пришли вести. Плохие.

– Говори.

– Матрона З'Зал'Дра... она проиграла. Ваэлен и объединенные Дома штурмовали ее цитадель. Но она не сдалась. Она провела ритуал. Она принесла в жертву весь свой клан, всех своих дочерей, всех воинов. Она скормила их души **тому, что спит под городом.**

Каэль замер.

– Она разбудила его?

– Частично, – голос Мал'кора дрожал. – Из-под земли поднялась... тварь. Безликая. Бесформенная. Сотканная из чистой энтропии. Она поглотила и штурмующих, и защитни-

ков. Ваэлен... он погиб. И все остальные. А сама Матрона... она слилась с этой тварью. Стала ее разумом, ее волей. Теперь это не просто древний монстр. Это древний монстр, которым управляет самая хитрая и жестокая сука во всем Подземье. И она идет. Она пробивает себе путь наверх. Она хочет не просто уничтожить нас. Она хочет поглотить весь этот мир.

Каэль закрыл глаза. Все его планы, вся его стратегия рассыпались в прах. Он думал, что ведет войну на трех фронтах. Он ошибся.

На него надвигалась четвертая, самая страшная угроза. Та, которую он сам и спровоцировал.

Он подошел к окну и посмотрел на свое королевство. На беженцев, на воинов, на Лию вдалеке. Он строил для них ковчег. Но теперь он понимал, что на мир надвигается не просто потоп.

На мир надвигается волна из самой преисподней. И времени, чтобы добраться до Клинка Рассвета, у него почти не осталось.

Буря, которую все ждали, начиналась. И ее первым ударом будет крик умирающего подземного мира.

Глава 2. Плач Камня и Рев Небес

Весть из Мензоберранзана ударила по Твердыне Пепла не как клинок, а как тектонический сдвиг, сотрясая самые основы их хрупкого мира. Дроу, еще вчера гордившиеся по-

бедой своего нового господина над их старой тираншей, теперь выли от ужаса. Они бежали из горящего дома лишь для того, чтобы узнать, что сам пожар, обрета чудовищный разум, идет за ними по пятам.

Каэль не дал им времени утонуть в отчаянии. Той же ночью тронный зал гудел от голосов. Орки, варвары, дроу, гномы – все смотрели на него, своего темного короля, ожидая приказа, чуда или приговора.

– Ваэлен мертв, – голос Каэля был ровен, но в нем слышался скрежет ломающегося льда. – И сотни наших братьев, сражавшихся под землей, – тоже. Их поглотила сущность, которую Матрона З'Зал'Дра выпустила в своей агонии. Этот пожар идет сюда. У нас нет времени оплакивать мертвых. Мы должны спасти живых.

Он подошел к огромной карте.

– Эта тварь, это... **Эхо Ллос**, как ее назвали выжившие, движется к Поверхности. Она прогрызает себе путь сквозь толщу скал. По расчетам наших магов, она выйдет здесь.

Он ткнул пальцем в точку на карте – в горный хребет, известный как Хребет Мира.

– Мы не можем сражаться с ней здесь. Она превратит наши пещеры в свои норы. Мы встретим ее на открытой местности.

Но прежде чем он успел изложить свой отчаянный план, земля под их ногами содрогнулась. Не от далекого продвижения подземного ужаса. Этот толчок пришел с поверхности.

Снаружи, со стороны гор, донесся низкий, рокочущий гул, от которого зазвенели кубки на столах и посыпалась пыль с потолка.

Стражник-орк, бледный под своей серой кожей, ворвался в зал.

– Повелитель! В небе!

Все бросились на внешние галереи. Картина, открывшаяся им, заставила замолчать даже самых храбрых воинов.

Ночное небо над Твердыней Пепла горело. Но не от звезд или луны. Десятки, если не сотни, гигантских силуэтов кружили в облаках, их чешуя тускло отсвечивала в багровом свете, исходившем от их собственных тел. Драконы.

Они не нападали. Они просто были там, огромные, как движущиеся горы, их присутствие было физическим давлением, от которого трещал воздух. А затем один из них, самый крупный, чья чешуя была цвета расплавленной лавы, отделился от стаи и начал медленно снижаться.

– Великий Отец Праха... – прошептал Ульфгар, и в его голосе, впервые за долгие годы, прозвучал благоговейный трепет. – Духи предков, он пришел сам...

Игнитус, древний прародитель красных драконов, приземлился на плато перед главными воротами Твердыни. Земля застонала под его весом. Он был колоссален. Одна его голова была размером с осадную башню. Он не смотрел на крепость. Он смотрел на землю, на камни, и в его глазах, похожих на два расплавленных солнца, плескалась вселенская

ярость.

И он заговорил. Его голос был не звуком, а вибрацией, которая шла от самой земли, проникая в кости.

– **ЧЕРВЬ ГРЫЗЕТ КОРНИ МОЕГО МИРА!** – пророкотал он, и от этого голоса со склонов сошли лавины. – **Я ЧУЮ ЕГО ВОНЬ! ВОНЬ ГНИЮЩЕГО КАМНЯ! ОНА ИДЕТ ИЗ-ПОД ВАШИХ НОГ, НАСЕКОМЫЕ!**

Каэль понял. Драконы почувствовали пробуждение Эха Ллос. Они пришли не за ним. Они пришли за его врагом. Но в своей ярости они могли сжечь и тех, и других.

– Я должен поговорить с ним, – сказал Каэль.

– Ты безумен! – воскликнул Бьорн. – Он испепелит тебя одним вздохом!

Но Каэль уже шел к выходу. Он вышел из ворот один, без оружия в руках, и медленно пошел навстречу исполинскому существу.

Игнитус опустил свою гигантскую голову, и его расплавленный взгляд впился в крошечную фигурку.

– **ТЫ,** – прогрохотал дракон. – **Я ЧУЮ В ТЕБЕ ЕГО ЗАПАХ. ЗАПАХ РАСКОЛА. ТЫ СВЯЗАН С ЧЕРВЕМ.**

– Я его враг, – ответил Каэль, его голос был поразительно спокоен. – Тварь, которую ты чуешь, идет, чтобы уничтожить все, что я построил. И я собираюсь ее остановить.

Дракон издал звук, похожий на смех вулкана.

– **ТЫ? НАСЕКОМОЕ? ТЫ ОСТАНОВИШЬ ГОЛОД ЗЕМЛИ? ТЫ ЛИШЬ ПЫЛЬ НА ВЕТРУ. Я СОЖГУ**

**ЭТИ ГОРЫ ДО САМОГО ОСНОВАНИЯ, ЧТОБЫ
ВЫЖЕЧЬ ГНИЛЬ. А ТЫ СГОРИШЬ ВМЕСТЕ С НИ-
МИ.**

– Если ты это сделаешь, – Каэль сделал шаг вперед, – ты лишь поможешь ей. Эта тварь питается разрушением. Твой огонь станет для нее пиром. Она поглотит его и станет еще сильнее. Ты не выжжешь ее. Ты ее накормишь.

Игнитус замер. В его древних, полных мудрости и ярости глазах промелькнуло сомнение. Он знал, что в словах этого смертного есть доля истины.

– ЧТО ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ, ПЫЛИНКА?

– Я предлагаю сделку. Моя армия встретит ее у Хребта Мира. Мы будем ее плотиной. Мы задержим ее, не дадим ей напиться силой разрушения этого мира. А пока мои воины будут умирать, я добуду оружие, способное убить ее. Оружие, выкованное из света звезды.

– КЛИНОК РАССВЕТА, – прошептал дракон, и в его голосе прозвучало узнавание. **– КЛЮЧ ОТ КЛЕТКИ...
ГЛУПЕЦ. ТЫ ХОЧЕШЬ СПАСТИСЬ ОТ НАВОДНЕ-
НИЯ, ВЫПУСТИВ ОКЕАН.**

– У меня нет другого выбора! – крикнул Каэль. – Дай мне время! Три дня! Если через три дня я не вернусь, если мои воины падут – тогда жги. Жги все. Но дай нам шанс. Шанс спасти этот мир по-своему.

Игнитус долго молчал, его огромный глаз, в котором плясали огни сотворения мира, изучал Каэля. Он видел не про-

сто смертного. Он видел отчаяние, волю и силу, чуждую этому миру.

– ТРИ ДНЯ, – наконец, пророкотал он. – ТРИ ВОСХОДА СОЛНЦА. НЕ БОЛЕЕ. МОИ ДЕТИ БУДУТ ЖДАТЬ. ЕСЛИ ТЫ ПАДЕШЬ, МЫ ОБРУШИМ НА ЭТО МЕСТО ОГОНЬ ТЫСЯЧИ СОЛНЦ. И МЫ НЕ БУДЕМ РАЗЛИЧАТЬ, ГДЕ ЧЕРВЬ, А ГДЕ НАСЕКОМЫЕ.

С этими словами он расправил свои исполинские крылья, и порыв ветра едва не сбил Каэля с ног. С оглушительным ревом, который был одновременно и обещанием, и угрозой, он взмыл в небо и присоединился к своей стае. Драконы не улети. Они остались, кружа в небесах, как огненные стервятники, ожидающие исхода битвы далеко внизу.

Каэль вернулся в тронный зал. Все смотрели на него с благоговейным ужасом. Он только что вел переговоры со стихией. И выжил.

– У нас есть три дня, – сказал он, и его голос не дрожал. – План остается прежним, но теперь у нас нет права на ошибку.

Он изложил свой отчаянный замысел. Армия – на Хребет Мира, чтобы стать живым щитом. Беженцы – на восток, чтобы спасти будущее. А он, Лия и Азраил – по Тропе Теней, в гонку со временем.

– Лисса, – обратился он к демонессе. – Твоя задача усложняется. Ты должна не просто увести их. Ты должна привести

их в Цитадель Ветров. И убедить драконов, что мы – не враги. Что мы их единственный шанс. Говори с ними. Ты умеешь говорить с чудовищами.

Лисса криво усмехнулась.

– Поговорить с Великим Отцом Праха? Очаровательно. Он сожжет меня прежде, чем я успею сделать реверанс.

– Нет, – вмешался Азраил, который все это время молчал в углу. – Он будет слушать. Драконы уважают не только силу, но и хитрость. И древнюю кровь. А твоя кровь, дитя Бельфегора, достаточно древняя.

На следующий день Твердыня Пепла опустела.

Огромная армия двинулась на восток, и над их головами, в высоких небесах, их молча сопровождала огненная эскадра драконов.

Длинный караван беженцев отправился на восток, и Лисса, глядя на кружащих в небе гигантов, чувствовала себя послом, отправленным в логово к богам.

А трое – Каэль, Лия и Азраил – вошли в серый, нематериальный туман Тропы Теней.

Мир затаил дыхание. Три дня. Семьдесят два часа. За это время должна была решиться судьба не просто королевства, а, возможно, и всей жизни на этой земле. И часы уже тикали.

Глава 3. Тропа Расколотых Душ

Шаг в Сумрак был шагом в ничто. Мир исчез, сменившись бесконечным серым туманом, который был ни теплым,

ни холодным, и не имел ни запаха, ни вкуса. Под ногами была не земля, а нечто упругое и неопределенное, словно они шли по застывшему облаку. Звуки исчезли. Даже собственное дыхание казалось глухим и далеким.

– Это и есть Тропа Теней, – голос Азраила был единственным, что звучало чисто и ясно, будто он был рожден в этом безмолвии. – Место между мирами. Перекресток всех «могло бы быть». Время здесь течет иначе. Но и реальность здесь – лишь иллюзия.

– Я ничего не чувствую, – прошептала Лия, ее рука инстинктивно сжала посох. Но кристалл, который сиял так ярко в их мире, здесь был лишь тусклым, молочно-белым камнем. Ее свет был чужероден этому месту.

– Это хорошо, – ответил Азраил. – Значит, Тропа еще не заметила вас. Идите за мной. Не отставайте. И что бы вы ни увидели, что бы вы ни слышали – не верьте. Это место питается сожалениями. Оно покажет вам то, что вы хотите увидеть, чтобы поглотить вас.

Они двинулись за его серой фигурой, которая, казалось, была единственным реальным объектом в этом море тумана.

Сначала ничего не происходило. Они просто шли сквозь бесконечную серую пустоту. Но вскоре Каэль начал это ощущать. Легкую рябь в тумане. Обрывки шепота, которые звучали, как его собственные мысли.

Туман перед ними начал сгущаться, обретая форму. Он сложился в картину, до боли знакомую. Арена. Яма. Рев тол-

пы. И на песке, истекая кровью, лежал он сам, но десятилетней давности – тощий, испуганный мальчишка. Над ним, за неся тесак, стоял огромный огр, тот самый, первый, которого он убил.

«Ты мог умереть тогда, – прошелестел голос в его голове, голос, похожий на его собственный. – Быстро. Честно. Закончить все. Не было бы ни Скверны, ни мертвых демонов, ни архангелов. Не было бы этой боли. Просто покой. Разве не этого ты хочешь? Просто отдохнуть...»

Картина была настолько реальной, что он почувствовал запах крови и страха. Он замедлил шаг, его рука сама потянулась к рукояти клинка.

– Это ложь, Пепел! – крикнула Лия, ее голос прорвался сквозь иллюзию.

Он вздрогнул, и видение растаяло, снова став серым туманом.

– Оно нашло твою боль, – спокойно сказал Азраил, не обращиваясь. – Теперь оно будет бить по ней.

Следующее видение было для Лии. Туман превратился в ее монастырь, залитый солнечным светом. Сестры-жрицы работали в саду, их лица были умиротворенными. Настоятельница, чье лицо Лия помнила, как самое доброе в мире, махала ей рукой.

«Вернись, дитя, – ее голос был полон любви и тепла. – Брось этих монстров. Брось этот гниющий мир. Здесь – твой дом. Здесь – покой. Здесь – свет. Разве ты не устала от тьмы?»

Вернись к нам...»

Лия замерла, ее глаза наполнились слезами. Она так ску-чала по этому месту, по этой простой, чистой жизни.

– Лия, нет! – Каэль схватил ее за руку. Его прикосновение, холодное и резкое, было как удар. – Это не они. Это тень, которая носит их лица!

Видение заколебалось и исчезло. Лия тяжело дышала, ее лицо было бледным.

– Оно лжет, – прошептала она. – Но ложь так... прекрасна.

Они шли дальше, и Тропа становилась все агрессивнее. Она больше не создавала цельные картины. Она начала смешивать их кошмары.

Теперь они видели Твердыню Пепла в огне, а на ее стенах – распятые тела Ульфгара и Лиссы. Видели орду варваров, превратившихся в безмозглых дронов Скверны. Видели Матрону З'Зал'Дра, которая смеялась голосом Лии.

Это была пытка, рассчитанная на то, чтобы сломать их, заставить усомниться друг в друге, в своей миссии, в самой реальности.

– Почему оно не трогает тебя? – крикнул Каэль Азраилу, который все так же невозмутимо шел впереди.

– Потому что у меня нет сожалений, – ответил тот, и в его голосе прозвучала бесконечная, ледяная пустота. – Я – конец всех историй. А у конца не бывает прошлого.

Он остановился. Туман перед ними стал почти черным и начал вибрировать.

– Мы почти у цели. Но здесь нас ждет главное испытание. Страж Тропы. Он не иллюзия. Он – сумма всех страхов, всех потерь, всех тех, кто сгинул на этом пути. Он примет форму того, чего вы боитесь больше всего.

Из черного тумана выступила фигура.

Она не была огромной или уродливой.

Это был Каэль.

Но не тот, что стоял рядом с Лией. Это был другой Каэль. Идеальный. Тот, кем он мог бы стать. Его глаза горели ровным, фиолетовым огнем Пустоты. Его тело не было изуродовано шрамами и скверной, а было покрыто серебряными узорами, как у древнего бога. В его руке была не Призрачная Плеть, а коса, выкованная из чистого небытия. Рядом с ним не было Лии. Он был один. Абсолютно один. И в его взгляде была не ярость, а лишь холодное, всепоглощающее равнодушие. Это был Жнец. Аватар Пустоты. Тот, кем он стал на мгновение в битве с големом.

– Зачем ты сопротивляешься? – голос Стража был голосом самого Каэля, но лишенным всех эмоций. **– Ты же знаешь, что это – твой истинный путь. Твое предназначение. Отбрось их. Отбрось эту смертную плоть, эту боль, эту любовь. Стань мной. Стань совершенным. Стань Ничем.**

Страж поднял свою косу.

– Я... не ты, – прохрипел Каэль, выхватывая Сумеречные клинки.

– Пепел, это не он! – крикнула Лия. – Это твой страх!

– Я знаю, – ответил он. – И единственный способ победить страх – это встретить его лицом к лицу.

Он бросился на свое отражение.

Начался бой, который был невозможен. Два Каэля, два стиля, две сущности. Каждый их удар был идеальным отражением друг друга. Они двигались в унисон, как зеркальные отражения. Но Страж был сильнее. Он был идеалом. Он не чувствовал усталости, не знал сомнений.

Он отбросил Каэля одним ударом.

– **Ты слаб,** – констатировал Страж. – **Потому что ты цепляешься за нее.**

Он повернулся и медленно пошел к Лии.

– **Я избавлю тебя от этой слабости.**

Лия подняла свой посох, но знала, что ее свет бессилен против того, что было частью души Каэля.

– **НЕТ!** – взревел Каэль.

Он вскочил на ноги. Он знал, что не сможет победить его силой. И тогда он сделал то, чего Страж, воплощение его темного идеала, никак не мог ожидать.

Он отбросил свои клинки. Он убрал свою защиту. И он шагнул вперед, прямо навстречу занесенной косе.

– Ты прав, – сказал он, глядя в свои собственные, пустые глаза. – Я слаб. Я боюсь. Я полон сожалений. Но именно это и делает меня... мной. А не тобой.

Он остановился в шаге от Стража.

– Если хочешь убить ее, тебе придется пройти сквозь меня. Но не как воин. А как палач.

Страж замер. Его идеальная, безэмоциональная логика столкнулась с чем-то, чего в ней не было. С самопожертвованием. С любовью.

Это был парадокс, который его суть не могла обработать.

Фигура Жнеца замерцала. В его пустых глазах на мгновение промелькнуло... недоумение. А затем он с шипением растворился в тумане.

Каэль стоял, тяжело дыша. Он победил. Не силой, а слабостью.

– Впечатляюще, – сказал Азраил. – Ты не уничтожил свой страх. Ты принял его. Не многие на это способны.

Он указал вперед. Серый туман начал редеть, и сквозь него проступило нечто реальное. Огромный, черный пик горы, вершина которого терялась в вечном вихре грозовых туч.

– Мы пришли, – сказал Азраил. – Пик Бурь.

Они вышли из Тропы Теней. День пути в Сумраке сэкономил им неделю мучительного подъема. Но цена была высока. Они вышли изможденными, их души были истерзаны собственными кошмарами.

Но они были здесь.

Перед ними, цепляясь за отвесные скалы, к самой вершине вела узкая, высеченная в камне лестница. Тысячи ступеней, уходящих в ревушие облака.

– А теперь, – сказал Азраил, – начинается настоящий

подъем.

И они, не говоря ни слова, начали восхождение. К спасению. Или к последнему проклятию.

Глава 4. Танец Мотылька с Горой

Хребет Мира был древним шрамом на теле земли. Именно здесь, на широком, продуваемом всеми ветрами плато, армия Каэля готовилась не умереть, а дать свой самый хитрый и жестокий бой. Настроение в войске было напряженным, но не обреченным. Они видели, как ушел их король, но он оставил им не приказ умереть, а план – выжить.

Ульфгар Кровавый Кулак стоял на вершине холма, глядя на поле будущей битвы. Рядом с ним были Бьорн, Гар'Наш и Мал'кор. Четыре генерала, четыре совершенно разных стиля ведения войны.

– Она сильна, – пророкотал Гар'Наш, чьи орки закончили маскировать последнюю ловушку. – Но она одна. А нас много. И мы злее.

– Ее сила в массе и бездумной ярости, – добавил Мал'кор, чьи дроу-разведчики только что вернулись с донесениями. – Она не мыслит тактически. Она просто ползет вперед, пожирая все на своем пути. Как слизень.

– А что делают умные охотники, когда на них ползет гигантский слизень? – усмехнулся Ульфгар. – Они не встают у него на пути. Они заставляют его ползти туда, куда нужно им.

Их план был не обороной, а смертоносным танцем, серией скоординированных ударов и отступлений, призванных не остановить, а измотать и запутать врага. Все плато превратилось в гигантскую шахматную доску, где каждая фигура знала свой маневр.

Когда на рассвете третьего дня из расколотого хребта выползло Эхо Ллос, живая гора из черной протоплазмы и агонии, началось представление.

Первая волна монстров, порожденных тварью, ухнула в замаскированные ямы с алхимической смолой. Вторая была встречена огнем фугасов и тут же атакована с флангов конницей Ульфгара, которая, нанеся стремительный удар, тут же растворилась в ущельях. Дроу Мал'кора, словно ядовитые насекомые, облепили основное тело твари, нанося точечные уколы в ее нервные узлы, заставляя чудовище реветь от боли и бить по самой себе.

Битва превратилась в издевательство. Армия изгоев кружила вокруг гигантского, разъяренного монстра, как стая волков вокруг раненого медведя. Они наносили удары, отступали, снова наносили, изматывая тварь, заставляя ее тратить силы впустую.

Но Эхо Ллос, ведомое безумным разумом Матроны, начало адаптироваться. Оно перестало порождать мелких тварей. Оно начало изменять само себя. Из его тела выросли гигантские костяные шипы, которыми оно начало вспахивать землю, уничтожая ловушки. Оно научилось извергать пото-

ки едкой кислоты, которые заставляли отступать даже самых храбрых варваров.

Ульфгар видел это. Их хитрость дала им время, но не могла дать победу. Тварь медленно, но верно теснила их, превращая плато в черное, безжизненное болото.

– Пора, – пророкотал он, и в его голосе была тяжесть. – Труби отступление. Мы сделали все, что могли.

Рог пропел свою печальную, отступающую песнь. Армия, огрызаясь и отбиваясь, начала организованный отход к Твердыне Пепла. Они выиграли почти день. Но теперь их крепость становилась их последним рубежом.

На вершине Пика Бурь, в сердце бури из обрывков реальностей, Каэль протянул руку к сияющему Клинку Рассвета. Голоса Падших Трох в его голове взвыли от триумфа.

– Не делай этого, Пепел, – прошептала Лия. – Цена слишком высока.

– А какая альтернатива?! – крикнул он. – Позволить твари сожрать мою армию?!

Он почти коснулся рукояти.

И в этот момент перед ним из воздуха соткалась фигура Азраила.

– Ты не можешь, – тихо сказал он. – Я не позволю.

Но не успел Каэль ответить, как рядом, прислонившись к невидимой стене, появился Моргрим.

– А вот тут ты неправ, мой печальный друг, – усмехнулся

ведьмак. — Он как раз может. В этом-то вся и прелесть. И весь ужас.

И в тот же миг пространство разорвалось в третий раз.

Из огненной воронки, источающей жар и запах серы, шагнула фигура. Огромный демон, закованный в медь и обсидиан, с бараньими рогами и глазами, полными веселой, садистской жестокости.

— А-а-а, какая компания! — пророкотал он, оглядываясь. — Хранитель Равновесия, Ангел Перехода, и... о, да это же игрушка моего господина Бельфегора!

— Азмодий, — процедил Моргрим. — Какими судьбами?

— Мой господин обеспокоен, — осклабился демон. — Он почувствовал, как его маленькая пешка подобралась к очень большой, очень нестабильной бомбе. И он прислал меня с дружеским советом. — Он повернулся к Каэлю. — Не трогай эту железку, мальчик. Она откроет дверь, за которой сидят твари, которых даже мы, в Аду, предпочитаем не будить. Очень шумные соседи.

Четыре силы сошлись на вершине мира. Ангел, посланный остановить. Демон, посланный предупредить. Ведьмак, пришедший наблюдать. И смертный, держащий в руке судьбу всего сущего.

— Вы все пришли помешать мне! — взревел Каэль. — Вы все хотите, чтобы я сгнил заживо, пока мир рушится!

— Вовсе нет, — Моргрим снова усмехнулся. — Мы пришли сделать тебе предложение. Поинтереснее. У тебя проблема,

мальчик. Тебе нужно убить несколько очень живучих тварей. Этот световой ножик, – он пренебрежительно махнул в сторону Клинка, – слишком... тотальный. Глупо сжигать дом, чтобы убить таракана. Тебе нужно оружие, которое бьет точно.

Он достал из-за пазухи потускневший амулет-спираль.

– **Сердце Аримана.** Артефакт абсолютного распада. Он не убивает. Он заставляет врага просто... закончиться. Обратиться в прах, которым он и должен был стать эоны лет назад. Он лежит в гробнице Царей-Чародеев в пустынях Кхем. Этот амулет – ключ к его местонахождению.

– Но он не успеет, – тихо сказал Азраил. – Путь в Кхем долог. Тварь из Мензоберранзана будет у стен его крепости через два дня.

– А вот тут-то и начинается самое интересное! – хохотнул Азмодий. – Мы, демоны, обожаем азартные игры! Я, герцог Азмодий, заключаю с тобой пари, Носитель Раскола!

Он взмахнул когтистой лапой, и в воздухе повис образ. Образ черной, как сама ночь, стрелы, наконечник которой, казалось, был сделан из застывшего крика.

– Это – **Стрела Истинной Смерти.** Выкована из скорби убитого бога, омочена в реке Стикс. Она одноразовая. Один выстрел – и даже самое бессмертное существо познает забвение. Она хранится в моей сокровищнице в Пятом Круге. Я отдам ее тебе. Но взамен...

Он оскалился.

– Ты должен будешь достать для меня Сердце Аримана. Этот ваш ведьмак прав, штука забавная. Она украсит мою коллекцию. Итак, пари: я даю тебе оружие, чтобы ты убил свою тварь сейчас, а ты потом отправляешься в эти ваши пустыни и приносишь мне мою игрушку. Идет?

– Не слушай его! – вмешался Моргрим. – Сделка с демоном всегда имеет двойное дно! Он обманет тебя!

– А ты предлагаешь ему долгое, мучительное путешествие, пока его мир горит! – парировал Азмодий. – Мое предложение – здесь и сейчас!

Каэль стоял перед выбором, который стал еще сложнее. Отказаться от всего и позволить миру погибнуть. Отправиться в безнадежный квест, оставив свою армию на растерзание. Или заключить сделку с одним из герцогов Ада, получив мгновенное решение, но навеки продав свою душу.

Он посмотрел на Лию, на ее испуганное лицо. Посмотрел на Азраила, в чьих глазах была лишь тихая констатация неизбежного.

– Я... – начал он.

Но он не успел договорить.

Воздух вокруг Клинка Рассвета зазвенел. Падшие Трое, поняв, что их добыча вот-вот ускользнет, в ярости ударили по своей темнице изнутри. Пространство вокруг клинка пошло рябью.

<НЕ ПОСМЕЕТЕ! ОН НАШ!> – их объединенный рев ударил по всем на вершине.

И они сделали свой ход. Они не могли прорваться, но они могли просочиться. Три тонких, как волос, луча – один черный, как сама энтропия, и два, переливающиеся всеми цветами безумия, – вырвались из основания Клинка и ударили в Каэля.

Это была не атака. Это был... дар.

Они не могли его освободить, но они могли дать ему свою силу. В долг.

Каэль взревел, когда чужеродная, божественная мощь хлынула в него. Его тело начало меняться, Пустота и Скверна внутри него смешались с первозданным хаосом и жадой разрушения.

– Глупцы! – крикнул Моргрим. – Они думают, что покупают его верность! Они лишь превращают его в бомбу, которая уничтожит их всех!

Азмодий расхохотался от восторга.

– О да! Вот это поворот! Теперь игра стала по-настоящему интересной!

Каэль стоял, сотрясаемый тремя божественными силами, которые разрывали его на части. Он был не просто носителем скверны. Он стал сосудом для агонии трех падших богов.

Выбор был сделан за него.

Он получил силу. Силу, способную не просто остановить Эхо Ллос, но и, возможно, бросить вызов самим небесам.

Но цена этой силы была страшнее любой сделки с демо-

ном. Он больше не принадлежал себе. Он стал полем битвы, на котором вот-вот должна была сойтись вся мощь и все безумие этой вселенной.

Глава 5. Цена Невозможной Силы

Удар трех божественных сущностей был не физическим. Это было вторжение. Вторжение в самую душу Каэля, в его кровь, в его Пустоту. Он почувствовал, как в его сознание вливаются три чужеродных потока, три реки первобытной мощи.

Черная, ледяная энергия Мор'Гарота, несущая в себе тяжесть умирающих звезд и голод энтропии. Она не смешивалась со Скверной Спящего, а поглощала ее, становясь гуще, сильнее, как черная дыра, поглощающая материю.

И два переливающихся, хаотичных потока Близнецов Хаоса. Они не вливались, а вплетались в его нервную систему, превращая боль в экстаз, а страх – в пьянящее безумие. Цвета вокруг стали ярче, звуки обрели вкус, а завывание ветра превратилось в сложную, сводящую с ума симфонию.

Он не просто стал сильнее. Он на мгновение **стал** ими.

<ДА! ЧУВСТВУЙ! ЭТО – ИСТИННАЯ МОЩЬ!> – ревели они в его голове. – **<ВОЗЬМИ ЕЕ! ИСПОЛЬЗУЙ! СОКРУШИ СВОИХ ВРАГОВ! СТАНЬ НАШИМ КУЛАКОМ! НАШИМ ЖНЕЦОМ!>**

– Пепел! – отчаянный крик Лии был единственным, что удержало его от полного растворения в этом океане силы.

Он посмотрел на свои руки. Они менялись. Кожа покрывалась тончайшей сетью трещин, из которых сочился то черный дым, то радужный свет. Он чувствовал, как его кости стонут, пытаясь перестроиться под новую, нечеловеческую природу.

– **Хватит**, – прорычал он, и это слово было адресовано не тем, кто стоял на вершине, а богам внутри его черепа.

Он собрал эту чудовищную, кипящую энергию в один узел, сжал ее своей волей, которая трещала, как перегруженный механизм, и направил.

Он не стал атаковать никого на Пике. Он ударил вниз.

Он просто посмотрел в сторону Хребта Мира, где его армия вела безнадежный бой, и пожелал.

Над плато, где Эхо Ллос теснило ряды защитников, реальность раскололась.

Небо не почернело и не вспыхнуло светом. Оно пошло рябью, как отражение в воде, в которую бросили камень. А затем из этой ряби, из ничего, ударили три луча.

Один – луч абсолютной черноты, который не сжигал, а стирал. Он прошел сквозь гигантское тело Эха, оставив в нем идеально ровную дыру, края которой осыпались прахом.

Два других луча были калейдоскопом безумия. Они не разрушали. Они переписывали. Там, где они касались порождений Скверны, те начинали мутировать с чудовищной скоростью, превращаясь в кричащие скульптуры из плоти

и геометрии, которые тут же набрасывались друг на друга в слепой ярости.

Эхо Ллос, сущность, рожденная из агонии целого города, впервые в своем существовании почувствовало нечто новое. Ужас.

Оно издало пронзительный, ментальный визг, который слышали все от Твердины Пепла до драконов в небесах, и, оставляя за собой шлейф из черной слизи, начало отступать, втягиваясь обратно в свой разлом в Хребте Мира.

Битва была окончена. За несколько секунд.

На вершине Пика Бурь Каэль рухнул на колени, а затем и на бок. Из его глаз, ушей и носа хлынула кровь. Тело билось в конвульсиях, как будто его одновременно разрывали на части и сжигали изнутри. Божественная сила, сделав свое дело, начала пожирать носителя.

– Глупцы, – прошипел Моргрим, глядя на корчащееся тело. – Они дали ему слишком много. Его смертная оболочка не выдержит.

Лия бросилась к Каэлю, ее руки окутал золотой свет. Она пыталась исцелить его, но ее магия жизни шипела и испарялась, сталкиваясь с первобытным хаосом, бушующим в его венах.

– Я не могу... – прошептала она в отчаянии. – Это... это не рана. Это война внутри него!

– Отойди, девочка, – сказал Азраил. Он подошел и положил свою холодную, как лед, ладонь на лоб Каэля.

Его прикосновение не исцеляло. Оно... успокаивало. Его суть, суть конца и покоя, была единственным, что могло на мгновение утихомирить бурю. Конвульсии прекратились. Каэль обмяк, погружаясь в глубокое, неестественное беспмятство, похожее на смерть.

– Он будет жить? – спросила Лия, со слезами на глазах.

– Жить? Да, – ответил Азраил, убирая руку. – Но какой будет эта жизнь – другой вопрос. Они дали ему силу в долг. И каждый раз, когда он будет ею пользоваться, долг будет расти. А процентами по этому долгу будет его воля, его личность, его душа. Чем чаще он будет взывать к ним, тем слабее будет становиться его «я». Пока однажды от Каэля не останется лишь оболочка. Безвольная марионетка, игрушка в руках трех безумных богов.

– Отличный план, – хохотнул Азмодий, который с восторгом наблюдал за представлением. – Дать ему силу, чтобы он решил все свои проблемы, и тем самым превратить его в нашего идеального агента! Бельфегор будет в восторге!

Моргрим смерил его презрительным взглядом.

– Не радуйся раньше времени, рогатый. Пока в нем есть хоть искра его собственной воли, он опасен. И для вас тоже.

Каэль лежал на холодном камне, без сознания. Его дыхание было едва заметным.

– Сколько? – спросила Лия у Азраила. – Сколько он будет... таким?

– Несколько дней он будет на грани между жизнью и смер-

тью. Потом еще несколько дней его тело будет восстанавливаться, отторгая чужеродную энергию. А когда он очнется, он будет слаб, как новорожденный котенок. И он будет слышать их. Постоянно. Их шепот станет фоном его жизни.

– Нам нужно уходить, – сказал Моргрим. – Это место сделало свое дело. Теперь оно снова станет просто горой. До следующего раза.

Он подошел к Азраилу.

– Ты идешь с ними. Твоя миссия еще не окончена.

– Я знаю, – кивнул ангел.

Он легко поднял бесчувственное тело Каэля на руки.

– Куда мы пойдем? – спросила Лия, вытирая слезы и подбирая свой посох.

– Обратно, – ответил Азраил. – К его армии. Ему нужно будет время, чтобы прийти в себя. И ему понадобится защита. Потому что теперь, – он посмотрел на небо, которое снова стало обычным, серым, – на него будут охотиться не только смертные. Все силы этого и других миров, кто почувствовал этот всплеск, захотят заполучить себе эту «игрушку». Или уничтожить ее.

Они начали спуск. Лия. Азраил, несущий тело Каэля. И Лисса, которая молча следовала за ними, ее лицо было непроницаемой маской. Она поняла, что ее миссия по спасению мира только что превратилась в миссию по спасению одного, отдельно взятого безумца от самого себя.

А в голове у Каэля, в глубокой, черной коме, голоса

не смолкали. Они больше не ревели. Они шептали. Вкрадчиво. Соблазнительно.

<Ты молодец, мальчик...> <...хорошо поработал...>
<...отдыхай... мы присмотрим за тобой...> <...а когда проснешься, мы покажем тебе новые, чудесные вещи...>

Он выиграл битву ценой, которую еще не осознал. Он спас свою армию, но, возможно, проклял свою душу. И теперь ему предстоял долгий, мучительный путь обратно, путь, на котором каждый шаг будет борьбой за право оставаться самим собой.

Глава 6. Разговор с Горой

Тишина на плато у Хребта Мира была почти такой же оглушительной, как и рев битвы до этого. Армия изгоев, потрясенная до глубины души, стояла на коленях или просто сидела на земле, глядя на то место, где только что бушевал божественный гнев. Эхо Ллос исчезло, втянувшись в свой разлом. Но победа не принесла радости. Она принесла лишь страх. Они не понимали, что произошло. Они лишь видели, как их мир на мгновение раскололся, а затем снова сошелся, оставив после себя звенящую пустоту.

Ульфгар был первым, кто поднялся на ноги. Его лицо, закаленное в сотне битв, было бледным. Он посмотрел на своих вождей – на Бьорна, на Гар'Наша, на Мал'кора. В их глазах он видел тот же вопрос: «Что это было?».

– Он... победил, – неуверенно проговорил Бьорн.

– Он не победил, – ответил Мал'кор, чьи красные глаза дроу видели больше, чем глаза других. – Он просто сжег одну страницу, вырвав ее из книги. Но сама книга осталась. И она горит.

Их разговор прервал звук, заставивший даже самых храбрых орков вжаться в землю. Звук бьющих по воздуху крыльев, размером с паруса боевого корабля.

Игнитус, Великий Отец Праха, снова спускался с небес.

Он приземлился на плато, и на этот раз он был не один. За его спиной приземлились еще двое – Аквария, Мать Туманов, чья чешуя переливалась всеми оттенками океана, от лазурного до иссиня-черного, и Терранус, Дракон-Скала, чье тело, казалось, было высечено из самого гранита, а на спине росли кристаллы.

Три древних прародителя. Их совместное появление было событием, которого не случалось со времен Войны Небес.

Армия замерла, боясь даже дышать.

Игнитус не обратил на них внимания. Его взгляд, похожий на два расплавленных солнца, был устремлен на Пик Бурь. Он видел, как угасает всплеск невозможной силы. Он чувствовал, как три первозданных голода, лизнув свободу, снова были заперты.

– ОН ИГРАЕТ С ОГНЕМ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ СЖЕЧЬ САМО МИРОЗДАНИЕ, – пророкотал Игнитус, и его голос был обращен не к армии, а к его братьям.

– Хуже, брат, – прошелестел голос Акварии, подобный

шуму прибоя. – Он пытается потушить пожар, вызывая потоп. Его действия нарушают не только баланс сил, но и саму ткань реальности. Еще один такой всплеск, и Швы могут не выдержать.

– **ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ ОСТАНОВЛЕН**, – прогудел Терранус, и от его голоса по земле пошла дрожь. – **УНИЧТОЖЕН. ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ЭТИМИ НАСЕКОМЫМИ.**

Ульфгар понял, что это конец. Они выстояли против чудовища из-под земли, но против гнева трех стихийных богов у них не было ни единого шанса.

Но он был вождем. Он не мог позволить своему народу умереть на коленях. Он шагнул вперед, поднимая свою саблю в знак уважения, но не покорности.

– Великие! – его голос прозвучал на удивление твердо. – Наш король, Каэль, сделал то, что должен был. Он спас нас. Он спас эту землю от чумы, которая грызла и ваши владения.

– **СПАС?** – Игнитус опустил свою гигантскую голову, и жар его дыхания заставил Ульфгара отступить на шаг. – **ОН ЛИШЬ ЗАМЕНИЛ МЕДЛЕННУЮ ГНИЛЬ НА БЫСТРЫЙ ПОЖАР! ОН РАЗБУДИЛ ТЕХ, КОГО ДАЖЕ МЫ ПРЕДПОЧИТАЕМ НЕ ТРЕВОЖИТЬ! ВЫ, СМЕРТНЫЕ, В СВОЕЙ КОРОТКОЙ, СУЕТЛИВОЙ ЖИЗНИ НЕ ПОНИМАЕТЕ, С КАКИМИ СИЛАМИ ИГРАЕТЕ!**

– Мы понимаем одно, – не сдавался Ульфгар. – Мы сража-

емся за свой дом. Так же, как и вы. Каэль ушел за оружием, которое сможет решить эту проблему раз и навсегда, не разрушая мир. Дайте ему шанс!

– **Шансов больше нет,** – прошипела Аквария. – **Он стал слишком опасен. Он – нестабильный элемент. Аномалия. Аномалии должны быть устранены.**

Она начала поднимать голову, и воздух вокруг наполнился влагой, готовясь превратиться в ледяные иглы, способные пробить любую броню.

И в этот момент между ними и драконами появилась фигура.

Лисса.

Она вышла из тени скалы, где пряталась все это время. Она была одна, и ее изящная фигурка казалась нелепой на фоне трех колоссальных ящеров.

– Какие вы все шумные и нетерпеливые, господа, – ее голос, усиленный демонической магией, прозвучал на удивление спокойно и ясно. – Неужели нельзя сначала обсудить дела, а уже потом решать, кого и как эффектно испепелять?

Драконы замерли. Они смотрели на нее, и в их древних глазах промелькнуло... узнавание.

– **Дитя Бельфегора,** – прошипел Игнитус. – **Интриганка. Шпионка. Ты осмеливаешься говорить с нами?**

– Я осмеливаюсь предлагать сделку, Великий Отец Праха, – Лисса сделала легкий реверанс. – Мой... наниматель... Каэль... сейчас, скажем так, не в состоянии вести перегово-

ры. Но его воля – моя воля. И она заключается в следующем.

Она выпрямилась, и ее вечная маска соблазнительницы сменилась маской жесткого, прагматичного дипломата.

– Вы боитесь, что он снова использует силу Падших. Вы боитесь, что он вытащит Клинок Рассвета. Вы боитесь, что его война разрушит мир. Справедливо. Мы тоже этого боимся. Но что вы предлагаете взамен? Уничтожить нас? Хорошо. Допустим. Вы сожжете нашу армию, нашу крепость. Но Эхо Ллос останется. Спящий под храмом останется. Ночной Князь и его Древние останутся. Инквизиция и ее Священное Пламя останутся. Вы устраните единственную силу, которая активно пытается со всем этим бороться, и останетесь наедине с кучей проблем, которые будут только расти. Гениальный план. Просто восхитительный.

Драконы молчали. Логика, холодная и безжалостная, была языком, который они понимали.

– Что ты предлагаешь, змея? – спросила Аквария.

– Союз, – просто сказала Лисса. – Не по любви, боже упаси. А по необходимости. Вы – древняя, стихийная сила. Мы – молодая, отчаянная и, как вы только что видели, на удивление эффективная. Мы – ваши руки в этом мире. Мы будем сражаться с гнилью, с фанатиками, с кровососами. Мы будем делать грязную работу, которая вам, таким величественным, не к лицу.

– **А ВЗАМЕН?** – прогудел Терранус.

– А взамен вы даете нам три вещи. Первое: вы перестае-

те нависать над нами, как грозовая туча, и пугать моих орков. Второе: вы делитесь с нами... крупницей ваших знаний. О том, как бороться с этими тварями. О слабых местах ваших старых врагов. И третье...

Она сделала паузу.

– Вы даете нам гарантию. Гарантию того, что если наш король, в своем отчаянии, снова потянется к силе, которую не может контролировать, у нас будет способ его остановить. Или, по крайней мере, позвать на помощь тех, кто сможет.

Игнитус прищурил свои огненные глаза.

– **ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ МЫ ДАЛИ ТЕБЕ ОРУЖИЕ ПРОТИВ ВАШЕГО ЖЕ ЛИДЕРА? ХИТРО, ДАЖЕ ДЛЯ ТВОЕЙ ПОРОДЫ.**

– Я хочу, чтобы у этого мира был шанс, – ответила Лисса, и в ее голосе на мгновение прозвучала искренняя усталость. – А с бомбой замедленного действия в качестве короля шансов не так уж и много. Нам нужен... предохранитель.

Драконы долго молчали, обмениваясь мыслями на языке, который был древнее слов.

Наконец, Игнитус кивнул.

– **ХОРОШО. МЫ ПРИНИМАЕМ ТВОЮ СДЕЛКУ, ДЕМОНЕССА. НА ВРЕМЯ.**

Он открыл пасть, и в ней горел не огонь, а чистая, концентрированная магма. Он выдохнул, и на камень перед Лиссой упал небольшой, быстро остывающий кусок застывшего пламени. Он был теплым на ощупь и пульсировал, как живое

сердце.

– ЭТО – ЧЕШУЯ МОЕГО СЕРДЦА. В НЕЙ – ЧАСТИЦА МОЕЙ СУТИ. ПОКА ОНА ЦЕЛА, МЫ БУДЕМ СЧИТАТЬ ВАС... СОЮЗНИКАМИ. МЫ НЕ БУДЕМ ВМЕШИВАТЬСЯ В ВАШИ МЕЛКИЕ ВОЙНЫ. НО МЫ БУДЕМ НАБЛЮДАТЬ. А ЕСЛИ ВАШ КОРОЛЬ СНОВА ПОТЯНЕТСЯ К ЗАПРЕТНОМУ... – Игнитус посмотрел на чешую, – **...РАЗДАВИ ЕЕ. И МЫ ПРИДЕМ. И НАШ ГНЕВ БУДЕТ АБСОЛЮТЕН. ЭТО НАШЕ СЛОВО.**

С этими словами он и другие драконы расправили крылья и, подняв бурю, взмыли в небо. Но на этот раз они не остались кружить над ними. Они улетели, растворившись в облаках.

Лисса подошла и осторожно взяла пульсирующий камень. Он был тяжелым. Тяжелым от ответственности.

Ульфгар и остальные вожди подошли к ней. Они смотрели на нее с новым, глубоким уважением. Она только что спасла их всех. Не силой, а словом.

– Ты... великий дипломат, леди Лисса, – проговорил Ульфгар.

Лисса криво усмехнулась, и ее привычная маска вернулась.

– Я просто знаю, как разговаривать с большими, старыми, самовлюбленными ящерами. У них очень хрупкое эго. Почти как у мужчин.

Она посмотрела на артефакт в своей руке. У них появился могущественный, но опасный союзник. И у нее в руках теперь был поводок для ее собственного короля. Поводок, который она отчаянно надеялась никогда не использовать.

– Возвращаемся в Твердыню, – сказала она. – Нам нужно подготовиться к возвращению нашего героя. Боюсь, ему понадобится много ухода. И очень крепкий замок на его новой игрушке.

Глава 7. Совет на Краю Пропasti

Прошла неделя. Неделя лихорадочной, напряженной деятельности. В Твердыне Пепла, ставшей последним оплотом надежды для тысяч существ, царил порядок, выкованный из отчаяния. Армия зализывала раны, но в глазах воинов больше не было страха. Они встретились с апокалипсисом и выжили.

Каэль медленно приходил в себя. Первые дни он провел в глубокой коме, запертый в собственном разуме, где вел войну с шепотом трех Падших богов. Когда он наконец очнулся, он был слаб, как ребенок, но его разум был холоден и ясен. Он заплатил цену за силу и знал, что следующий «кредит» может стать для него последним.

В тронном зале, где теперь постоянно горел камин, собрался военный совет.

– Эхо Ллос отступило, но не уничтожено, – начал Каэль без предисловий. – Оно вернется. Спящий ждет моего реше-

ния. Инквизиция перегруппировывается. Драконы наблюдают. Мы выиграли время, но не войну. Прежде чем мы начнем планировать войну с богами, мы должны обезопасить свой дом.

Он посмотрел на Ульфгара.

– Вампиры.

Вождь варваров помрачнел.

– Они – как саранча, повелитель. Нападают на малые стойбища, воруют детей. Их Древние – маги-некроманты. Мы не можем быть везде одновременно. Мой народ устал жить в страхе.

– Тогда мы вырвем эту заразу с корнем, – сказала Лисса. Она разложила на столе карту севера. – Мои шпионы закончили работу. Мы знаем, где их передовая база. Замок Ночных Слез. Там сейчас находятся трое Древних и их личная гвардия. Если мы уничтожим эту базу, мы обезглавим их силы в регионе на долгие годы.

– Штурмовать вампирский замок? – хмыкнул Бьорн. – Это самоубийство.

– Мы не будем его штурмовать, – вмешался Каэль. – Мы проведем хирургическую операцию. Мы выманит их основные силы, а затем диверсионный отряд уничтожит их спящих Древних.

План был дерзким и опасным. Но прежде чем они успели его обсудить, воздух в тронном зале внезапно похолодел.

В центре зала из ничего начал сочиться свет. Холодный,

геометрически правильный, слепящий свет Эмпиреев. Он уплотнился, и перед ними снова предстал Азраил в своем истинном, крылатом обличье. Но на этот раз в его глазах была не только печаль, но и... спешка.

– **События ускоряются**, – его голос прозвучал в их душах. – **Не только в вашем мире. Всплеск силы на Пике Бурь был услышан не только здесь. Великий Барьер, отделяющий упорядоченные миры от Изначального Хаоса, истончился. Те, кто-жаждет-извне, начали свой штурм. В Эмпиреях объявлен всеобщий сбор. Воинство Небесное готовится к войне, какой не было со времен Сотворения.**

Он посмотрел на Каэля.

– **Моя миссия здесь окончена. Меня отзывают. Я больше не твой судья и не твой тюремщик. У Небес теперь проблемы посерьезнее, чем один мятежный мирок и его самопровозглашенный темный король.**

– **Значит, вы просто бросаете нас?** – спросила Лия.

– **Мы оставляем вас наедине с вашими собственными демонами. В прямом и переносном смысле, – в его голосе прозвучала тень иронии. – Но мой уход – это и дар. Карантин снят. Вы снова предоставлены сами себе. Используй свою силу, Носитель Раскола, – он обратился к Каэлю, – но используй ее мудро. Помни о цене. Каждый твой шаг теперь – это твой и только твой выбор. И его последствия лягут лишь на твою душу.**

Он на мгновение задержал свой печальный взгляд на Каэле, словно прощаясь.

– Возможно, однажды мы встретимся снова. На другом поле боя. Надеюсь, по одну сторону.

С этими словами он растворился во вспышке серебристого света, оставив после себя лишь запах озона и звенящую тишину.

Все в зале молчали, переваривая услышанное.

– Ну что ж, – нарушила тишину Лисса. – Кажется, большие дяди с крылышками улетели драться с еще большими каракатицами. Это развязывает нам руки.

– Да, – кивнул Каэль, и на его лице появилось мрачное удовлетворение. – Теперь нам никто не будет мешать.

Он вернулся к карте.

– Но это ничего не меняет в наших планах. Даже наоборот. Теперь мы должны действовать еще быстрее и решительнее. Мы должны укрепить нашу империю, пока на нас не обратили внимание новые, еще более страшные игроки.

Он посмотрел на своих соратников, и его голос наполнился силой.

– Мы разделяемся. Война будет вестись на всех фронтах. Лисса!

Демонесса выпрямилась.

– Ты – наш кулак и наш кошелек. Твоя задача – расширение. Ты берешь под свое командование Цитадель Ветров. Налаживай торговые пути. Вербуй наемников. Заключай со-

язы с вольными городами, которые боятся и Инквизиции, и Скверны. Подкупай, шантажируй, соблазняй – делай то, что умеешь лучше всего. Преврати нашу империю из дикой орды в государство, с которым придется считаться. Нам нужно золото, сталь и люди. Много людей.

Лисса хищно улыбнулась.

– Считать чужие деньги и чужие грехи? Обожаю. Считай, что у тебя уже есть казна и армия шпионов.

Он повернулся к Ульфгару, Бьорну, Гар'Нашу и Мал'кору.

– Вы – наш щит и наш меч. План по уничтожению Замка Ночных Слез остается в силе. Но я пойду с вами.

– Один? – нахмурился Ульфгар. – Повелитель, это слишком опасно.

– Не один. Со мной пойдет Лия. И вы. Это будет наша совместная операция. Ульфгар и Бьорн, вы поведете главные силы – конницу варваров. Ваша задача – выманить их армию из замка, связать ее боем, устроить им ад в чистом поле.

Он посмотрел на орков и дроу.

– Гар'Наш, твои орки устроят диверсию у стен, отвлекая на себя гарнизон. А мы, – он кивнул Мал'кору и Лии, – нанесем главный удар. Небольшой отряд, ведомый мной, проникнет в замок и уничтожит Древних в их склепах.

– Без твоей божественной силы? – с сомнением спросил Мал'кор. – Мы не справимся.

– Я буду использовать ее. Но только в самом крайнем случае. Как оружие последнего шанса, – ответил Каэль. – Мы

будем полагаться на хитрость, скорость и тень. И на свет.

Он посмотрел на Лию.

– Их склепы защищены темной магией. Но эта магия бессильна против твоего дара. Ты будешь нашим ключом, который откроет их гробницы. А я – клинком, который вонзится в их не-мертвые сердца.

План был готов. Он был сложен, рискован и требовал идеальной координации.

– А что потом? – спросил Ульфгар. – Когда мы уничтожим вампиров?

– А потом, – Каэль обвел взглядом своих верных генералов, – мы заставим этот мир признать наше право на существование. Мы построим дом, где варвары, орки, дроу и даже люди смогут жить под одним небом. Спокойный дом. Даже если для этого нам придется сжечь половину мира.

В его глазах горела темная, несокрушимая решимость. Угроза с небес исчезла, оставив после себя лишь пустоту и свободу. Свободу действовать. Свободу побеждать. И свободу умереть, пытаясь.

И для начала они собирались принести покой в свой собственный дом, вырвав из его сердца вампирскую занозу. Война за Север начиналась.

Глава 8. Танец с Тенями и Светящаяся Нить

Замок Ночных Слез был язвой на теле Мертвого Леса. Древняя эльфийская крепость, когда-то изящная и светлая,

теперь была искажена темной магией. Ее шпили, похожие на костлявые пальцы, царапали серое небо, а стены покрывал черный, маслянистый мох, который слабо светился в сумраке и высасывал жизнь из окружающих деревьев. Вокруг замка всегда стоял туман, но это был не природный туман, а дыхание сотен поработанных духов, которые служили вампирам первой линией обороны.

Армия Каэля не стала штурмовать это проклятое место. Она подошла к нему на рассвете, когда первые, больные лучи солнца пробились сквозь тучи, и начала свое представление.

Акт первый: Рев Ярости.

Десять тысяч варваров Ульфгара не понеслись в атаку. Они остановились на границе Мертвого Леса, вне зоны досягаемости стрел со стен, и начали бить своими мечами и топорами по щитам. Это был не просто шум. Это был ритуальный боевой клич, ритм, который в давние времена варвары использовали, чтобы вызвать дух землетрясения. Десять тысяч голосов слились в единый, низкий, вибрирующий рев, от которого дрожала земля и осыпалась листва с мертвых деревьев. Для вампиров, чьи чувства обострены до предела, этот звук был физической пыткой, как скрежет металла по стеклу, усиленный в тысячу раз.

Из ворот замка, как рой разъяренных ос, вылетел отряд гаргулий – личная гвардия одного из Древних. Но они не долетели до варваров. Как только они поднялись в воздух, с вершин деревьев на них обрушился ливень серебра-

ных стрел. Лучники-дроу Мал'кора, скрытые под покровом иллюзий, сделали свою работу. Гаргульи с визгом падали на землю, их каменные тела рассыпались в прах от прикосновения священного металла.

Вампиры в замке поняли, что их провоцируют. Что это вызов. И гордость Древних не позволила им спрятаться за стенами. Главные ворота со скрежетом отворились, и из них хлынула армия. Тысячи упырей, скелетов в ржавых доспехах и теней-призраков, а во главе – два из трех Древних, могучие вампиры-военачальники в эбонитовой броне. Третий, самый старый и мудрый, некромант, остался в замке.

Армия тьмы понеслась на варваров. Но Ульфгар лишь усмехнулся. Он отдал приказ, и его конница, не принимая боя, начала медленное, организованное отступление, заманивая врагов всё глубже в Мертвый Лес. Погоня началась.

Акт второй: Свет в Сердце Тьмы.

В тот момент, когда основные силы покинули замок, начался второй акт. Небольшой отряд, состоящий из Каэля, Лии и двадцати лучших убийц Мал'кора, под покровом тени подошел к замку с другой стороны, где в него впадала подземная река.

– Вода отравлена, вход охраняется магией, – прошипел один из дроу.

– Это не проблема, – ответила Лия.

Она подошла к черной, зловонной воде и опустила в нее наверх своего посоха. Вода вокруг посоха зашипела, а за-

тем начала светлеть, превращаясь из черной жижи в чистую, прозрачную воду. Свет от кристалла проявил темные, пульсирующие руны, наколдованные на входе в туннель.

– Теперь твои, – сказала она Каэлю.

Каэль коснулся рун своей левой рукой. Пустота в его крови не стала их разрушать. Она их **поглотила**. Без шума, без вспышки. Темная магия просто исчезла, впитавшись в его ладонь.

Они вошли в замок.

Коридоры были пусты, но сама тьма в них была живой. Это была охранная система некроманта. Любой, кто не нес в себе печать тьмы, был бы немедленно обнаружен. Но отряд Каэля был невидим. Дроу были рождены в тени. А Каэля сама тьма принимала за своего.

Они двигались бесшумно, ведомые знаниями, которые Лисса купила у предателя внутри замка. Их целью была Крипта Вечного Сумрака, где спали Древние.

Дверь в крипту была сделана из цельного куска живого, чувствующего камня, который реагировал на ауры живых.

– Эту я не открою, – прошипел Мал'кор. – Он проснется.

– И не надо, – ответил Каэль.

Он повернулся к Лии.

– Помнишь, что я говорил? Ты – наш ключ.

Лия закрыла глаза. Она не стала атаковать дверь светом. Она начала петь. Тихую, древнюю колыбельную своего народа. Это была не магия. Это была песнь о жизни, о рождении,

о покое. Чистая, незамутненная эмоция жизни.

И живой камень, который веками чувствовал лишь холод не-смерти, ответил на эту вибрацию. Он не открылся. Он... **расслабился**. Его химерные наросты разгладились, тьма в его глубинах посветлела. Он замер, уснув под влиянием песни.

Каэль деликатно приоткрыл отяжелевшую дверь.

Они вошли. Внутри, в холодном, синеватом свете, стояли три саркофага из черного мрамора. Два были пусты. В третьем, открытом, лежал он. Третий Древний, старый некромант. Он не спал. Он медитировал, его сознание управляло магией замка и армией теней. Он не ожидал, что кто-то сможет пройти сквозь все его защиты так тихо.

Он открыл глаза и увидел Каэля. В его древних глазах не было страха. Лишь усталое раздражение.

– Ты... – прошипел он.

– Я, – ответил Каэль.

Его Сумеречные клинки уже были в руках. Бой был коротким и жестоким. Древний был могучим магом, но в ближнем бою, застигнутый врасплох, он не был соперником для того, кто выжил в Яме. Однако, умирая, он успел сделать последнее.

– Если я умру... – прохрипел он, когда клинки Каэля пронзили его сердце, – ...то моя тьма... не уйдет в никуда...

Его тело распалось в прах, но из праха вырвалась черная, кричащая тень – его освобожденная душа, наполненная ве-

ковой ненавистью. Она метнулась не к Каэлю. А к пустым саркофагам.

– Он хочет вселиться в своих братьев! – крикнул Мал'кор. – Даже в Мертвом Лесу он сможет управлять их телами!

Тень уже касалась первого саркофага.

– Нет, не сможет, – сказала Лия.

Она подняла посох, и из него ударил не слепящий свет, а тонкая, серебряная нить. Это была не магия жизни. Это была магия **связи**. Нить обвилась вокруг кричащей тени, но не стала ее сжигать. Она просто... держала ее.

– Каэль! Сейчас!

Каэль понял. Он бросился вперед. Он не стал атаковать тень. Он вновь протянул свою левую руку. Он сделал то, что сделал с рунами.

Он коснулся тени. И Пустота в его крови, вечно голодная, впервые получила настоящий пир. Она не стала бороться с душой вампира. Она с жадностью, с наслаждением, начала ее **пить**.

Тень завывала, но ее вой был уже не яростным. В нем было отчаяние добычи. Она втягивалась в руку Каэля, как вода в сухую землю.

Он чувствовал все. Тысячелетние воспоминания вампира. Его боль, его власть, его тайны. Все это хлынуло в него потоком, но Пустота перемалывала все в пыль, оставляя лишь чистую энергию.

Когда все было кончено, он стоял, покачиваясь. Его глаза горели фиолетовым огнем. Он стал сильнее. И ещё дальше от того, кем был когда-то.

Акт третий: Возмездие.

В Мертвом Лесу два Древних вампира, ведущие погоню, внезапно замерли. Они одновременно схватились за грудь, их лица исказились от боли.

– Брат... – прохрипел один. – Он... пал...

Их связь, державшаяся тысячелетиями, оборвалась. Сила, которую они черпали из общего источника, иссякла. Они стали слабее. Их армия мертвецов, лишенная магической подпитки, начала останавливаться, а некоторые скелеты просто рассыпались в прах.

И в этот момент Ульфгар, увидев это, отдал приказ.

– В АТАКУ!

Варвары, которые до этого лишь отступали, развернулись и с ревом обрушились на ослабевшего и деморализованного врага.

Началась настоящая резня.

Два Древних, понимая, что попали в ловушку, попытались сбежать. Но было поздно.

– А вот и мы! – прохрипел знакомый голос.

Из-под земли, где они прятались в заранее вырытых туннелях, выскочили орки Гар'Наша и отряд тяжелой пехоты Бьорна. Они отрезали вампирам путь к отступлению.

Клан Ночных Слез оказался в котле.

Они победили. Почти без потерь. Не силой, а хитростью, координацией и идеальным планом, в котором у каждого была своя роль. Тьма, Свет и Сталь танцевали вместе.

Но пока они праздновали победу, Каэль в глубине замка боролся со своей собственной битвой. Он поглотил душу Древнего. И теперь этот Древний, его знания, его тьма, стали частью него. Он стал могущественнее. Но и опаснее. Для своих врагов. И для своих друзей.

И он понял, что это лишь начало. Уничтожив трех Древних, он лишь вызвал на себя гнев их господина.

Ночной Князь теперь точно знал, кто его главный враг. И его следующий удар не будет таким простым.

Глава 9. Визит Вежливого Дьявола

Победа пахла гнилью и озоном, но празднование оборвалось, не успев начаться. Оно умерло в тишине.

Небо погасло. Абсолютный, непроглядный мрак окутал замок, и мир погрузился в беззвучный вакуум. Во дворе, в единственном пятне призрачного лунного света, стояли трое. Ночной Князь, высокий и аристократичный. И за его спиной – два его **Древних Клыка**, Лорд Мортис и Сир Вейл, воплощения некроромантической мощи и смертоносного фехтовального искусства.

– Какое разочарование, – голос Ночного Князя прозвучал в разуме каждого. – Явился прибраться в доме, а нашел лишь беспорядок и разбитую посуду. Невежливо, полукров-

ка. Очень невежливо.

Каэль и его вожди спустились во двор. За ними из замка высыпала его армия, молчаливо формируя боевой порядок.

– Твоя посуда слишком сильно кусалась, – ответил Каэль, его рука легла на эфес Сумеречного клинка.

– Очаровательно. Дикарь с претензией на остроумие, – Князь едва заметно улыбнулся. – Это делает твоё уничтожение вдвойне занимательным. Я пришел забрать то, что представляет интерес. Этот любопытный светильник, – он кивнул в сторону Лии, – и тебя. Твоя способность поглощать души – это нарушение всех правил.

– Поговори мне еще, кровосос! – взревел Ульфгар, шагнул вперед.

– Утомительно, – выдохнул Князь и лениво махнул рукой. И ад начался.

Мрак, окутывавший их, ожил. Из теней, из-под земли, из самого воздуха хлынула армия. Тысячи упырей, призраков и скелетов-воинов, которых Князь привел с собой, как невидимую свиту. Одновременно с этим два Древних ринулись в бой.

Лорд Мортис, костяной гигант, ударил ладонями о землю. По всему двору из-под ног воинов Каэля вырвались костяные шипы и руки мертвецов, сея хаос и смерть в первых рядах.

Сир Вейл, дуэлянт, превратился в размытую тень, которая скользнула в ряды орков. Его рапиры мелькали с нечело-

веческой скоростью, и каждый их укол превращал могучего воина в иссохшую мумию.

Армия изгоев, застигнутая врасплох и атакованная со всех сторон, начала захлебываться в собственной крови.

– Лия! – крикнул Каэль.

Она была готова. Она ударила посохом о землю, и от нее во все стороны хлынула волна чистого, золотого света. Свет не сжигал нежить, но он действовал на них, как яд. Вампиры и упыри шипели, их движения замедлялись, призраки истончались, а магия Мортиса на мгновение ослабла. Это дало армии драгоценную секунду, чтобы перестроиться и принять бой.

– Ульфгар! Бьорн! Держите фланг! Гар'Наш, центр! – кричал Каэль, отдавая приказы. – Мал'кор, со мной!

Он не стал сражаться с армией. Его цель была одна. Князь.

Ночной Князь не стал ждать. Он двинулся ему навстречу, и в его руке из сгустившейся тьмы сформировался длинный, тонкий клинок, похожий на осколок замерзшей ночи.

– Ты нарушил правила, дитя, – прошепестел его голос. – Теперь я преподам тебе урок вечности.

Их клинки столкнулись.

Это был не бой. Это был ураган. Каэль был всем, чему его научила Яма – яростью, скоростью, отчаянной жадной выжить. Его Сумеречные клинки описывали смертоносные дуги, пытаясь найти брешь в защите вампира.

Но Ночной Князь был... всем. Он был каждым стилем

фехтования, который когда-либо существовал. Он двигался с грацией танцора и точностью хирурга. Его ледяной клинок не просто парировал – он контратаковал, находя малейшие ошибки в движениях Каэля, оставляя на его теле и доспехах неглубокие, но обжигающие холодом порезы.

Каэль понял, что на одном мастерстве ему не победить.

Он отпрыгнул назад, и в его свободной руке ожила **Призрачная Плеть**.

– А, вот и она. Игрушка Спящего, – на губах Князя появилась тень интереса. – Посмотрим, как она справится с настоящей Тьмой.

Плеть взметнулась, как живая змея, целясь Князю в грудь. Но тот не стал ее блокировать. Он просто шагнул в сторону, сливаясь с тенью, и плеть прошла сквозь пустое место. Князь тут же появился за спиной Каэля, и его клинок устремился тому в шею.

Инстинкты, отточенные в Аду, спасли Каэля. Он не разворачиваясь, ударил плетью назад. Два потока тьмы – упорядоченная, ледяная тьма Князя и хаотичная, гнилостная тьма Спящего – столкнулись.

Раздался не звук, а вой. Пространство исказилось. Каэля и Князя отбросило друг от друга.

Каэль тяжело дышал. Он был на равных. Но его армия – нет.

Он видел, как Ульфгар и Бьорн, объединив силы, едва сдерживают натиск Сира Вейла, чьи рапиры находили одну

уязвимость за другой. Он видел, как орки Гар'Наша гибнут десятками под проклятиями Лорда Мортиса, который, словно дирижер кошмаров, поднимал павших воинов и обращал их против своих же братьев.

Они проигрывали. Медленно, но верно.

– Ты чувствуешь это, дитя? – голос Князя снова зазвучал в его голове. – Это – отчаяние. Оно слаще любой крови. Твоя армия умрет. Твой светлячок иссякнет. А ты... ты станешь моим.

Каэль посмотрел на Лию. Она стояла в центре своей армии, и ее свет был единственным, что не давало им окончательно пасть. Но она была бледна, ее силы были на исходе.

Ярость. Чистая, белая ярость, какой он не испытывал никогда, затмила все. Боль. Страх. Тактику.

– Я не отдам их тебе, – прорычал он.

Он перестал сражаться как фехтовальщик. Он перестал сражаться как маг.

Он стал тем, кем был рожден. **Жнецом.**

Он отбросил один из своих клинков и вложил всю свою волю, всю свою сущность в Призрачную Плеть.

Она перестала быть хлыстом. Она взорвалась десятком черных щупалец, которые устремились не к Князю, а к его Древним.

– Если хочешь забрать моих вождей, – взревел Каэль, – сначала я заберу твоих!

Вейл, уклоняясь от топора Бьорна, не заметил тени, мет-

нувшейся к нему. Щупальце прошло сквозь его грудь. Дуэлянт замер, его глаза расширились от удивления, а затем его тело начало рассыпаться в прах.

Мортис, увлеченный своим некромантским искусством, обернулся слишком поздно. Три щупальца обвились вокруг него, и Пустота начала пожирать его магию. Костяной гигант взвыл и взорвался дождем из костяных осколков.

Ночной Князь на мгновение замер, глядя, как его лучшие воины, служившие ему тысячелетия, исчезают.

А затем он посмотрел на Каэля.

И впервые на его лице не было скуки. На нем была чистая, незамутненная ярость.

– **ТЫ ЗАПЛАТИШЬ ЗА ЭТО,** – его ментальный крик ударил по всем в лагере, заставив даже самых стойких орков упасть на колени.

Он бросился на Каэля, и теперь это был не изящный поединок. Это была схватка двух стихий. Абсолютная Ночь против абсолютной Пустоты.

Каэль встретил его удар. Щупальца тьмы обвились вокруг него, создавая кокон.

Замок Ночных Слез содрогнулся до самого основания, когда две первозданные силы столкнулись в его дворе.

И никто не знал, кто выйдет живым из этого столкновения.

Глава 10. Когда Гаснет Свет

Столкновение двух первозданных сил – ледяной Ночи Князя и хаотичной Пустоты Каэля – раскололо реальность. Но Каэль был на пределе. Он мог держаться, но не мог победить.

– Ты – костер. Яркий, яростный и короткий, – голос Князя звучал отовсюду. – А я – вечная, холодная ночь. Я просто подожду, пока ты догоришь.

Он был прав. И тогда он увидел ее. Лия. Их последний бастион света.

И Ночной Князь тоже ее увидел. На его ледяном лице появилась хищная улыбка.

– Ах, да. Светильник, – прошелестел он. – Она – твоя главная, сияющая уязвимость.

Он прекратил атаковать Каэля. Вместо этого он поднял руку, и в его ладони начал формироваться маленький, вращающийся шар из абсолютной тьмы.

– Позволь мне преподать тебе последний урок, дитя. Урок о потерях.

Он не метнул шар. Он просто разжал пальцы. И шар исчез. Каэль не сразу понял, что произошло. А потом он увидел. Лия замерла. Сияние ее посоха погасло. Она медленно, почти с удивлением, посмотрела вниз, на свою грудь.

Там, где билось ее сердце, теперь была идеально круглая, черная дыра. Шар тьмы не пронзил ее. Он просто... **стер** маленький кусочек ее реальности. Стер ее сердце, ее душу, ее свет.

Она подняла глаза и посмотрела на Каэля. В ее небесно-голубых глазах не было ни боли, ни страха. Лишь бесконечная, всепрощающая печаль и тихий, немой вопрос.

– Пепел... – прошептала она, и это было ее последнее слово.

Она начала падать.

Ульфгар, чье лицо воина исказилось гримасой невыносимого горя, взревел, как раненый медведь, и подхватил ее безжизненное тело.

Мир для Каэля умер.

Рев в его ушах, лязг стали, стоны раненых – все исчезло. Осталась лишь одна картина: ее падающее тело и черная дыра на месте сердца.

Пустота внутри него хлынула, заполняя все. Голод Спящего затих. Призрачная Плеть втянулась обратно в руку. Все, что было им, – боль, ярость, память, – было смыто этой черной, безразличной волной.

Он опустился на колени. Он не кричал. Он не плакал. Он просто смотрел в никуда.

Костер догорел.

– Вот так-то лучше, – с легким вздохом произнес Ночной Князь. Он с любопытством смотрел на сломленную фигуру Каэля. – Теперь ты готов к настоящему обучению.

Он не договорил.

Потому что Каэль поднял голову. В его глазах не было ничего. Ни боли, ни отчаяния. Лишь абсолютная, ледяная пу-

стога.

И он заговорил. Не с Князем. Он обратился к силам, которые он чувствовал на краю своего сознания, к тем, кто ревел в своей клетке за гранью мира.

– Вы... хотели... дать мне силу, – прошептал он, и его шепот был громче любого крика. – Вы хотели, чтобы я стал вашим оружием. Я... согласен.

Он сделал свой выбор.

– Дайте мне ее. Дайте мне силу уничтожить его. И я открою вашу клетку.

Это была ложь. Он не собирался их освобождать. Но в своем горе и ярости он был готов пообещать что угодно.

И Падшие Трое, услышав это обещание, эту клятву, с восторгом ответили.

Они не стали его взламывать. Они исполнили сделку.

Три потока чистой, первозданной божественной мощи хлынули в Каэля, но на этот раз его воля не сопротивлялась. Она жадно впитывала их.

Каэль закричал. Это был не крик агонии. Это был крик силы, обретающей форму.

Он медленно поднялся. Его глаза... оба глаза стали бездонными колодцами, в которых кружились галактики безумия. Аура, исходящая от него, заставила саму Ночь, которую соткал Князь, съежиться и отступить.

– Что... что ты сделал?! – Ночной Князь впервые за свою вечную жизнь отступил на шаг. Он чувствовал силу, которая

была старше и страшнее его собственной.

– Я... заплатил... цену, – произнес Каэль, и его голос был теперь хором. Хор из его собственного, сломленного голоса и трех тихих, вкрадчивых божественных шепотов.

Он поднял руку.

И началось истребление.

Он щелкнул пальцами.

И вся армия нежити, тысячи бессмертных воинов Ночного Князя, замерла. А затем, без единого звука, они начали рассыпаться в прах.

За пять ударов сердца двор замка был чист.

Остался лишь он один. Ночной Князь. Он стоял посреди поля, усеянного прахом его воинов, и смотрел на Каэля с выражением, которое было смесью ужаса, недоумения и... восхищения.

Каэль-Легион медленно пошел к нему.

– Теперь твоя очередь.

Ночной Князь, поняв, что столкнулся с чем-то, что ему не одолеть, развернулся, чтобы бежать.

– **ТЫ НЕ УЙДЕШЬ**, – прогремел хор голосов.

Каэль просто... оказался перед Князем. Пространство и время подчинились его новой воле.

Он схватил вампира за горло. Ночной Князь оказался беспомощен, как котенок.

– Я не убью тебя быстро, – прошипел Каэль-Легион. – Я заберу у тебя то, что делает тебя... тобой.

Он прижал свою вторую ладонь к груди вампира.

Он начал вытягивать из него его... **бессмертие**. Его вечность. Его холод.

Ночной Князь закричал от настоящего, животного ужаса. Он чувствовал, как его суть вырывают из него с корнем. Он старел. С каждой секундой – на тысячу лет. Он превращался в прах прямо в руке Каэля. Последнее, что осталось от великого Ночного Князя, – горстка серого пепла, которую ветер тут же развеял по двору.

Он был мертв. Окончательно и бесповоротно.

И в тот же миг, когда последний враг пал, божественная сила, исполнив свою часть сделки, иссякла.

Каэль рухнул на землю, как марионетка с обрезанными нитями. Тело билось в конвульсиях, из глаз и ушей хлынула кровь. Он погружался во тьму беспамятства.

Ульфгар, Бьорн и остальные смотрели на это с благоговейным ужасом. Они видели, как их сломленный король, заключив сделку с бездной, превратился в бога мщения. Они победили. Но они понимали, что проиграли что-то гораздо более важное.

Каэль лежал без сознания посреди разгромленного лагеря. Его армия, ошеломленная, смотрела на него. Они победили. Но их король был сломлен. Свет их надежды, Лия, – мертва.

А в голове у Каэля, в глубокой, черной коме, голоса не смолкали. Они больше не ревели. Они шептали. Вкрад-

чиво. Соблазнительно.

<Ты заплатил первый взнос, дитя...> <...хорошо поработал...> <...мы помним твое обещание...> <...и мы придем за своим долгом...> <...а пока отдыхай... мы всегда будем рядом... теперь мы – часть тебя...>

Он выиграл битву. Он отомстил. Но он только что продал свою душу в рассрочку. И теперь ему предстоял долгий, мучительный путь, на котором каждый шаг будет борьбой за право оставаться самим собой. А враги, старые и новые, уже собирались, чтобы разорвать на части то, что от него осталось.

Глава 11. Королевство Тишины

Мир замер.

Весть о том, что произошло в Замке Ночных Слез, не разнеслась – она просочилась, как яд, в самые основы бытия. Ночной Князь, столп Тьмы, был стерт. И мир, вместо того чтобы вздохнуть с облегчением, затаил дыхание в ужасе. Инквизиция остановила свои легионы. Эхо Ллос замерло в своем продвижении. Драконы молчали в высоких небесах. Все ждали. Ждали, что сделает эта новая, чудовищная сила дальше.

А эта сила спала. И скорбела.

В Твердыне Пепла победа не принесла ни капли радости. Она принесла лишь тишину. Тяжелую, густую, как запекшаяся кровь. В главном зале, на постаменте из белого камня,

лежала Лия. Ее рана, черная дыра в груди, была противоестественным пятном, насмешкой над самой концепцией жизни. Вокруг постамента днем и ночью горели свечи, их слабый свет едва разгонял мрак, но никто не решался зажечь факелы ярче. Казалось, любой громкий звук, любой яркий свет мог бы оскорбить эту великую, всепоглощающую скорбь.

Воины всех рас приходили проститься. Они не плакали. Мужчины, чьи души были выжжены битвами, не умели плакать. Они просто стояли, смотрели на ее безмятежное, прекрасное лицо и молчали. Их горе было слишком глубоким для слез. Каждый из них, от могучего Ульфгара до последнего беженца, чувствовал, что из их нового, хрупкого мира вырвали сердце. Она была их светом, их надеждой, доказательством того, что даже в этой тьме может существовать что-то чистое. И теперь ее не было.

Каэль не спал уже неделю. Он сидел в своих покоях, в кресле у погасшего камина, и просто смотрел в никуда. Его тело медленно восстанавливалось после чудовищного напряжения, но его душа была в руинах. Он не ел, не пил, не говорил. Азраил исчез – отозванный на свою небесную войну, он оставил своего подопечного наедине с его горем. Теперь Каэля некому было защищать от шепота в его голове.

Но Падшие боги, как ни странно, молчали. Они не искушали, не требовали. Они, словно мудрые, терпеливые хищники, ждали. Они понимали, что сейчас любая попытка давления лишь укрепит его волю. Они дали ему время, чтобы

его горе, как кислота, разъело остатки его души, сделав ее мягкой и податливой.

Внешний мир перестал для него существовать. Была лишь комната, полумрак и бесконечный, немой диалог с ее призраком. Он прокручивал в голове каждую минуту, проведенную с ней. Ее первую улыбку, ее испуганный взгляд, ее теплое прикосновение. Он вспоминал ее слова, ее веру в него. И каждое воспоминание было как удар ножом. Он, Пепел Ямы, убийца и монстр, был единственным, кто видел ее свет. И он же стал причиной, по которой этот свет погас. Она умерла, защищая его. Защищая то, чего в нем, возможно, никогда и не было.

Одиночество, которое всегда было его броней, теперь стало его пыточной камерой. Он был окружен тысячами преданных ему существ, но он был абсолютно, бесконечно один.

Иногда в его покои приходила Лисса.

Она изменилась. В ней не осталось и следа от той игривой, соблазнительной демонессы. Она была тихой, собранной, ее лицо было похоже на маску из бледного фарфора. Она приносила ему еду, которую он не трогал, и вино, к которому он не прикасался. Она не пыталась его утешать или заговорить. Она просто садилась в кресло напротив, доставала из-за пазухи тлеющее Сердце своего брата и молча смотрела на него.

Они сидели так часами, в полной тишине. Два существа, потерявшие свою вторую половину. Король-полукровка, лишившийся своего света, и демонесса-шпионка, лишившаяся

своей тени. Их горе было разным, но оно говорило на одном языке.

– Он был идиотом, – однажды сказала она, нарушив многодневное молчание. Ее голос был хриплым, как будто она давно им не пользовалась. – Всегда лез на рожон. Думал, что его ярость – это щит от всего на свете.

Каэль не ответил.

– Я говорила ему, что однажды он нарвется на клинок, который окажется острее его зубов, – продолжала она, глядя на багровый камень в своих руках. – Он не слушал. Он смеялся. Говорил, что умрет в бою, как настоящий воин, и попадет в лучший из адов, где кровь течет рекой, а крики грешников – как музыка.

Она подняла на Каэля свои глаза, в которых больше не было огня, лишь выжженная пустыня.

– А он умер, защищая тебя. И от него остался лишь этот камень. И тишина. Я ненавижу тишину, Каэль.

Она впервые назвала его по имени.

– Она... – начал Каэль, и его собственный голос прозвучал чужим, – ...она тоже ее ненавидела. Она всегда пела. Тихие песни. О свете, о надежде. Глупые песни.

– Да, – кивнула Лисса. – Очень глупые. И очень... нужные.

Она встала.

– Ульфгар и остальные ждут тебя. Они не станут ждать вечно. Армия без короля – это просто толпа. Рано или позд-

но они перегрызут друг другу глотки. Или разбредутся.

Она подошла к двери.

– Твое горе – это роскошь, красавчик. И у тебя, и у меня больше нет на нее времени. Мир не будет ждать, пока мы выплачем все слезы.

Она ушла, оставив его одного.

Ее слова были жестоки. И правдивы.

Той же ночью Каэль поднялся. Он подошел к зеркалу, которое не видел с момента своего освобождения из Ямы. На него смотрел незнакомец. Истощенный, с ввалившимися глазами, в которых горел холодный, мертвый свет. Черные вены скверны и серебряные узоры Пустоты переплелись на его коже, создавая уродливый, но завораживающий узор.

Он увидел в этом лице не героя и не монстра. Он увидел конец. Конец того, кем он был.

Он подошел к сундуку, где хранил свои вещи. Там, на дне, лежал его старый, зазубренный тесак из Ямы. Он взял его в руки. Тяжелый, грубый, честный кусок стали.

А затем он пошел.

Он молча прошел мимо стражи, мимо своих вождей и вошел в тронный зал.

Он подошел к телу Лии.

И, опустившись на колени, положил свой старый тесак ей на грудь, рядом с черной дырой.

– Прости, – прошептал он. – Я не смог тебя спасти. Тот, в кого ты верила, – он умер вместе с тобой.

Он поднялся. В его руке были Сумеречные клинки. В его глазах – лед.

Он вышел из зала.

– Позовите всех, – сказал он Ульфгару. – Совет. Немедленно.

Утро нового дня застало его на троне. Скорбь не ушла. Она просто замерзла, превратившись из огня, сжигающего изнутри, в вечную мерзлоту в его душе.

И эта мерзлота была страшнее любой ярости.

Глава 12. Разговоры в Пепле

Твердыня Пепла жила в странном, приглушенном ритме. Враги, напуганные демонстрацией нечеловеческой силы, затаились, и на границах воцарилась неестественная тишина. Но внутри крепости воздух был тяжел, как могильная плита. Горе не ушло, оно просто впиталось в камни, в души, стало фоном для каждого вздоха.

Каэль начал действовать. Но это был уже не тот яростный, импульсивный лидер, что вел их в бой. Он стал тенью, скользящей по своей крепости. Он не говорил – он отдавал приказы, тихие, четкие, лишённые эмоций. Он не спал – он сидел над картами до глубокой ночи, и свет от единственной свечи выхватывал из мрака его бледное, осунувшееся лицо. Что-то в нем сломалось безвозвратно. Ушла не только ярость. Ушла сама жизнь.

Единственным существом, которое, казалось, понимало

его состояние, была Лисса. Она тоже изменилась. Ее смех больше не звенел в коридорах, ее едкие шутки смолкли. Она выполняла свою работу с ледяной, безупречной эффективностью, управляя шпионской сетью и торговыми путями, но делала это механически, словно хорошо отлаженный автомат.

Их встречи происходили по ночам, на самой высокой башне, с которой открывался вид на спящее, израненное королевство. Они не договаривались. Просто каждый из них приходил сюда, ища одиночества, и находил другого.

– Они думают, ты сломлен, – сказала она однажды, нарушив их привычное молчание. Она стояла, прислонившись к холодному камню, и ветер трепал ее черные волосы. В руках она вертела тлеющее Сердце своего брата. – Ульфгар и остальные. Они боятся. Они видят в тебе лишь тень.

– Они правы, – ответил Каэль, не отрывая взгляда от горизонта. – Тот, кого они знали, умер в Замке Ночных Слез.

– И кто же остался? – в ее голосе не было иронии, лишь тихое, усталое любопытство.

– Механизм, – просто сказал он. – Цель. И память.

Она помолчала, глядя на багровый камень в своих руках.

– Он тоже был механизмом. Механизмом ярости. Простым, как удар молота. Увидел врага – убей. Увидел слабость – воспользуйся. Увидел красивую вещь – заberi. – Она криво усмехнулась. – Он так и не научился играть в долгую. Говорил, что это скучно.

– Она... – начал Каэль, и ему стоило огромных усилий выговорить это слово, – ...она пыталась научить меня. Играть в долгую. Строить, а не разрушать. Верить, а не ненавидеть.

– И как, получилось?

– Она умерла, – ответил он, и в этом слове была вся горечь мира.

Они снова замолчали. Это были странные, рваные разговоры двух существ из разных вселенных, объединенных лишь одним – пустотой, которую оставили после себя те, кого они любили.

– Он всегда приносил мне подарки, – внезапно сказала Лисса, и ее голос стал тише, почти девичьим. – После каждого задания. Глупые, бесполезные вещи. Череп какого-то редкого зверя. Украденный у эльфийской принцессы гребень. Однажды притащил поющего огненного саламандра в банке. Тот орал три дня, пока не сдох. – Она вздохнула. – Я злилась. Говорила, что он идиот. А он просто хотел... чтобы я улыбнулась.

– Она пела, – так же тихо сказал Каэль. – Когда думала, что я сплю. Старые, монастырские гимны. О свете. О прощении. Я ненавидел их. Они казались мне ложью. А теперь... – он замолчал. – Теперь я отдал бы все, чтобы услышать их еще раз.

Они говорили не друг с другом. Они говорили с призраками, стоявшими рядом с ними в холодном ночном ветре. Они вспоминали не великие деяния, а мелкие, незначитель-

ные детали, которые и составляли суть их потерянной связи.

– Я скучаю по его идиотскому смеху, – прошептала Лисса.

– А я – по ее молчанию, – выдохнул Каэль.

Постепенно эти ночные разговоры стали для них необходимостью. Единственным местом, где они могли снять свои ледяные маски и побыть просто... теми, кто скорбит.

Однажды ночью он показал ей свой план. Он разложил на камнях парашюта карту, и его палец, холодный и твердый, указал на юг.

– Они ждут, что мы будем сидеть здесь и зализывать раны. Ждут, что я снова впаду в ярость и брошусь мстить. Но я не буду.

– Что ты задумал? – спросила Лисса, вглядываясь в карту.

– Мсть – это эмоция. А у меня их не осталось, – сказал он. – Остался лишь расчет. Я уничтожу их. Всех. Не потому, что я их ненавижу. А потому, что они – угроза. Нестабильный элемент в уравнении.

Его план был холоден, как и его душа.

– Мы идем на юг. Но не войной. А чумой. Твои шпионы, Лисса. Они проникнут в их города. Они не будут убивать. Они будут сеять сомнения. Рассказывать правду о том, что случилось. О том, как их Великий Инквизитор призвал ангела, и тот был повержен. О том, как их вера оказалась бессильна. Мы разрушим их не сталью, а словом.

Он указал на другую точку.

– Эхо Ллос. Оно затаилось, но оно голодно. Мы найдем

способ направить его. Не на нас, а на них. Натравим одного монстра на другого. Пусть они пожирают друг друга.

– А Спящий?

– Он – моя проблема, – Каэль коснулся своей груди, где под рубахой проступали темные узоры. – Он ждет, что я приду к нему за силой. Но я не приду. Я заставлю его самого выйти из своей гробницы. Я найду способ выманить его на поверхность. И когда он будет здесь, в нашем мире, уязвимый... я найду то, что сможет его убить.

– Сердце Аримана, – прошептала Лисса. – Ты все еще веришь в сказки ведьмака?

– Я верю в то, что у каждой твари есть своя слабость. И я найду ее. Это будет долгий путь. Не война. А охота. Тщательная, выверенная, холодная. И в конце я принесу на ее могилу головы всех, кто виновен в ее смерти.

Лисса долго смотрела на него. Она видела, что в нем не осталось света. Но на его месте появилось нечто иное. Не тьма. А цель. Абсолютная, несокрушимая, холодная, как сердце умирающей звезды.

– Это... хороший план, – наконец сказала она. – Жестокый. Подлый. И очень долгий. Корвусу бы понравилось.

Она протянула ему руку.

– Я с тобой, Каэль. До самого конца. Не потому, что верю в твою победу. А потому, что у меня, как и у тебя, больше ничего не осталось, кроме мести.

Он посмотрел на ее изящную, бледную руку, а затем по-

жал ее. Его рука была холодной, как камень, ее – как лед.

Это был союз, рожденный не из надежды, а из пепла. Союз двух разбитых сердец, которые решили, что если им не суждено больше чувствовать тепло, они, по крайней мере, могут принести в этот мир вечную зиму.

Глава 13. Тихий Гость и Шепот Звезд

Время в Твердыне Пепла текло вязко, как смола. Зима нехотя отступала, обнажая израненную землю, а вместе с ней – и шрамы в душах тех, кто пережил кровавую осень. Империя Каэля больше не воевала. Она училась жить. Беженцы строили новые дома, варвары патрулировали границы, дроу осваивали шахты. Но над всем этим висела тень – тень утраты и тень грядущей, неизбежной бури.

Каэль стал сердцем этой тишины. Он правил, но не властвовал. Его приказы были точны, его решения – взвешены, но в них больше не было огня. Он был как искусный часовщик, который заводит сложный механизм, зная, что однажды тот все равно остановится.

Его ночные разговоры с Лиссой на башне стали ритуалом. Они были единственным местом, где холодная маска короля и ледяная броня демонессы давали трещину. Они не утешали друг друга. Они просто делили свое безмерное одиночество, как двое замерзающих делят последний уголек.

– Она любила звезды, – сказал он однажды, глядя в чернильное, усыпанное алмазами небо. – Говорила, что это гла-

за Единого, которые смотрят на нас. Говорила, что даже в самой темной ночи есть свет.

– Глупости, – ответила Лисса, но в ее голове не было привычной язвительности. – Звезды – это просто газовые шары, которые сгорают в холодной пустоте. Как и мы. Яркая вспышка, а потом – вечный мрак. Корвус бы сказал, что это красиво.

– Наверное, – Каэль криво усмехнулся. – Он понимал толк в красоте разрушения.

– Он был художником в своем роде, – Лисса провела пальцем по тлеющему Сердцу брата, которое носила на шее, как амулет. – Просто его кистью был меч, а красками – кровь. Он говорил, что в предсмертном крике врага слышна самая чистая музыка.

– А она слышала музыку в шелесте листьев. В журчании ручья, – Каэль закрыл глаза. – Они бы никогда не поняли друг друга.

– Может, и поняли бы, – тихо возразила Лисса. – Они оба были... цельными. Не сломанными. Не такими, как мы. Они верили. Он – в ярость. Она – в свет. А во что верим мы, Каэль?

Он долго молчал.

– В то, что долги нужно возвращать, – наконец ответил он.

Их разговор прервало движение. Не звук, а изменение в самой атмосфере. Словно кто-то убавил громкость у всего мира.

На башню, не издав ни единого шороха, поднялась третья фигура.

Азраил.

Он выглядел так же, как и в день своего исчезновения – простой странник в сером плаще. Но в его глазах цвета грозы плескалась усталость, древняя, как сама вселенная.

– Ты вернулся, – констатировал Каэль. Это был не вопрос.

– Войны богов утомительны, – просто сказал Азраил, вставая рядом с ними и глядя на звезды. – Слишком много шума. Слишком много света. Слишком много бессмысленной ярости.

– Вы победили? – с долей сарказма спросила Лисса.

– В таких войнах не бывает победителей, дитя Бельфегора. Лишь выжившие. Мы отбросили Тех-кто-жадет-извне обратно за Барьер. На время. Но цена была высока. Несколько миров были... стерилизованы. Несколько звезд – погашены. Равновесие удержалось, но стало тоньше паутины.

Он повернулся к Каэлю.

– И поэтому я здесь. Совет снова послал меня.

– Чтобы снова стать моим тюремщиком? – в голосе Каэля прозвучал лед.

– Нет, – Азраил покачал головой. – На этот раз моя миссия иная. Я здесь, чтобы... наблюдать. И помогать. В разумных пределах.

Лисса расхохоталась. Тихим, безрадостным смехом.

– Помогать? Эмпирей? Нам? Что случилось, небеса трес-

нули? Или у вас просто закончились враги, и вы решили поиграть в благотворительность?

– Случилось то, что вы, сами того не ведая, стали важны, – ответил ангел, и в его голосе не было и тени обиды. – Всплеск силы на Пике Бурь... он не просто привлек внимание. Он создал прецедент. Падшие Трое поняли, что могут влиять на этот мир через тебя, Носитель Раскола. Они больше не будут пытаться сломать свою клетку. Они будут пытаться превратить в клетку весь этот мир, сделав тебя своим наместником.

Он посмотрел на Каэля, и его взгляд был тяжел.

– Они шепчут тебе. Предлагают силу. И с каждым разом, когда ты согласишься, их хватка на твоей душе будет становиться все крепче. Пока однажды ты не перестанешь быть собой. Ты станешь их аватаром. И тогда Воинству Небесному придется вмешаться. И это будет конец для твоего мира.

– Так в чем же заключается твоя «помощь»? – спросил Каэль. – Ты будешь стоять и смотреть, как я борюсь, а потом убьешь меня, если я проиграю?

– Я буду твоим... противовесом, – сказал Азраил. – Мое присутствие здесь, в этом мире, создает якорь Порядка, который мешает их хаосу просачиваться слишком сильно. Пока я рядом, их влияние на тебя ослаблено. Они могут шептать, но не могут кричать. Они могут искушать, но не могут принуждать. Я – твой щит. Щит, который ты не просил.

– Какой благородный жест, – процедила Лисса. – Вы бои-

тесь не за нас. Вы боитесь, что его новая игрушка выйдет из-под контроля и натворит дел в вашей небесной песочнице.

– Это так, – спокойно согласился Азраил. – Наши мотивы эгоистичны. Но это не отменяет того факта, что наши цели на данный момент совпадают. Никто из нас не хочет, чтобы Падшие Трое вернулись.

Он снова посмотрел на звезды.

– Но есть и другая причина. Моя личная. Я видел, как ты стоял на вершине. Я видел, как ты сделал выбор не брать Клинок. Я видел, как ты плакал над ее телом. – Он на мгновение закрыл глаза. – В тебе есть нечто большее, чем просто Раскол. В тебе есть человечность. Истерзанная, искалеченная, но она есть. И мне... любопытно. Любопытно увидеть, что победит в итоге. Тьма, которую в тебя вложили. Или свет, который она в тебе оставила.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Я буду здесь, в вашей крепости. Я не буду вмешиваться в ваши планы. Но если тебе понадобится совет, как бороться с богами в своей голове, – найди меня. Это единственная битва, в которой у меня есть опыт.

Он растворился в тенях, оставив их вдвоем.

– Ну что ж, – сказала Лисса после долгого молчания. – Кажется, наш маленький клуб для тех, у кого разбито сердце, пополнился. И у нового члена, похоже, самая большая душевная травма во всей вселенной.

Каэль ничего не ответил. Он смотрел на то место, где сто-

ял ангел. Он не чувствовал облегчения. Он чувствовал, как на его плечи лег новый, еще более тяжелый груз.

Теперь он сражался не только за свой народ. Он сражался за свою душу. И судья, и палач в одном лице теперь жил с ним под одной крышей, молча наблюдая за каждым его шагом.

Война становилась все сложнее. И все более личной.

Глава 14. Танец в Пустоте

Ночи в Твердыне Пепла стали холоднее. Не из-за погоды — зима отступала, — а из-за тишины, что поселилась в душе ее короля. Каэль превратился в идеальный механизм правления: он не спал, а медитировал над картами; не ел, а поддерживал силы скудным пайком; не говорил, а отдавал приказы. Его скорбь не прошла, она кристаллизовалась, превратившись в холодный, острый, как обсидиан, стержень его воли.

Их ночные бдения с Лиссой на башне продолжались. Они стали единственной отдушиной, единственным местом, где можно было не носить маску. Но постепенно характер этих встреч начал меняться. Лисса, словно змея, сбросившая старую кожу скорби, снова становилась собой. Но теперь ее привычная игривость была окрашена в иные, более темные и сложные тона.

Однажды ночью, когда холодный ветер особенно яростно бился о камни, она пришла, неся с собой два кубка и бутыль

темного, почти черного вина.

– Эльфийское. Из подвалов Дома Фе'л'ар, – сказала она, протягивая ему кубок. – Говорят, его настаивают на слезах пленных поэтов. Должно прийтись тебе по вкусу.

Каэль хотел отказаться, но что-то в ее взгляде, усталом и в то же время вызывающем, заставило его взять кубок.

– Я не пью.

– И не ешь. И не спишь. И не живешь, – она сделала глоток, и ее губы окрасились в темно-алый. – Ты превратился в призрак, Каэль. А призраки не выигрывают войн. Они лишь пугают детей.

Он промолчал, но поднес кубок к губам. Вино было терпким, с нотками горечи и странной, затаенной сладостью. Оно не опьяняло. Оно... согревало. Разгоняло по венам тепло, которое, как ему казалось, он уже никогда не почувствует.

– Он приказал мне, – внезапно сказала она, глядя не на него, а на тлеющее Сердце своего брата у себя на груди.

– Кто? – спросил Каэль.

– Наш господин. Бельфегор, – в ее голосе не было ни почтения, ни страха, лишь констатация факта. – У него везде есть глаза. Он видел, как ты сломался. Он видел, как умерла твоя... – она запнулась, – ...надежда.

Она перевела на него свой взгляд, и в ее глазах-хамелеонах, сейчас цвета глубокого фиолета, плясали опасные огоньки.

– Он считает, что сломленный инструмент бесполезен.

А ты – его самый ценный инструмент. Он хочет, чтобы ты снова стал целым. Сильным. Яростным. И он решил, что лучший способ починить сломанную игрушку – это дать ей новую, еще более интересную.

Она сделала еще один глоток.

– Он приказал мне соблазнить тебя. Заполнить пустоту, которую она оставила. Стать твоей новой слабостью. И твоей новой силой.

Она сказала это так просто, так обыденно, будто обсуждала план по закупке зерна.

Каэль смотрел на нее, и холод внутри него впервые за долгое время встрепенулся, сменившись чем-то похожим на гнев.

– И ты пришла исполнять приказ? Как верная собачка?

Лисса рассмеялась. Тихим, горьким смехом.

– О, милый, ты так плохо меня знаешь. Я никогда не исполняю приказы. Я их... интерпретирую. Да, Бельфегор хочет, чтобы я легла в твою постель. Чтобы я опутала тебя своими сетями, стала твоей поводыршей, его агентом влияния. Это его план.

Она подошла ближе. Ветер трепал ее черные волосы, и в воздухе повис тонкий аромат экзотических цветов и ночной прохлады.

– Но у меня есть свой план.

Она остановилась в шаге от него, и ее голос стал вкрадчивым шепотом.

– Я видела, как умер мой брат. Я видела, как умерла твоя жрица. Мы оба – осколки. Два одиноких, разбитых осколка в этом проклятом мире. И Бельфегор, и Сияющие, и Спящий – они все хотят использовать нас, играть нами, как фигурами на своей доске.

Она протянула руку и коснулась его щеки. Ее пальцы были холодными, как шелк.

– А я устала быть фигурой. Я хочу стать игроком. И ты – тоже. Мы оба хотим одного и того же, Каэль. Не спасения. Не власти. А мести. Мы хотим заставить их всех заплатить. За Корвуса. За Лию. За то, что они с нами сделали.

Ее фиолетовые глаза заглядывали ему в самую душу.

– Бельфегор хочет, чтобы я тебя соблазнила. Хорошо. Я соблазню. Но не твое тело. А твою тьму. Твою ярость. Твою ненависть. Мы станем союзниками не по приказу, а по выбору. Мы станем их главным кошмаром. Двумя призраками, которые будут преследовать их до самого конца времен.

Она убрала руку.

– Поход в Кхем. Ты идешь туда за оружием, чтобы убить бога. Ты думаешь, это будет просто? Гробница Царей-Чародеев охраняется не ловушками и не стражами. Она охраняется их вечной, неупокоенной волей. Их гордыней. Она сведет с ума любого смертного. Но не нас.

Она улыбнулась. Впервые за долгое время. Но это была не прежняя, игривая улыбка. Это была улыбка заговорщика, хищника, нашедшего партнера по охоте.

– Твоя Пустота и моя... хитрость. Твоя ярость и моя ложь. Вместе мы сможем пройти там, где не пройдет ни один герой света или тьмы. Я помогу тебе добыть твое оружие, Каэль. А потом ты поможешь мне. Мы вернем наши долги. Все. До последней капли крови.

Она протянула ему бутылку с вином.

– Так что, давай выпьем. Не за приказ. А за наш маленький, тайный союз. За то, что начинается сегодня. Наш танец в пустоте.

Каэль смотрел на нее, на вино в ее руке, на тлеющий камень на ее груди. Он знал, что это ловушка. Изящная, многослойная, опасная. Она предлагала ему не утешение. Она предлагала ему разделить ее цинизм, ее боль, ее жажду мести. Она предлагала ему упасть вместе.

И в этой общей бездне было что-то ужасно соблазнительное.

Он не хотел утешения. Оно казалось ему предательством по отношению к Лии.

Но месть... месть была языком, который он понимал.

Он взял бутылку и сделал большой глоток. Вино обожгло горло, но холод в его душе, казалось, отступил еще на шаг.

– Хорошо, – сказал он, возвращая ей бутылку. – За наш танец.

Он еще не знал, куда приведет его этот танец. Но он знал одно: его одиночество закончилось. На его место пришло нечто иное. Более темное. Более сложное. И, возможно, еще

более опасное.

На следующее утро он отдал приказ.

Армия выступает через три дня. Курс – на юг. В пустыни Кхем.

И впервые за долгое время в его голосе, когда он говорил с вождями, прозвучали не только приказы, но и тень того холодного азарта, который когда-то делал его королем арены.

Охота начиналась.

Глава 15. Караван в Никуда

Путь на юг был долгим и молчаливым. Огромный караван – авангард армии Каэля, состоящий из пяти тысяч отборных воинов – двигался по выжженным войной землям, как серая, пыльная змея. Дни были похожи один на другой: серый рассвет, бесконечная, унылая дорога, короткий привал у чахлого костра и тревожная ночь под безразличными звездами.

Каэль ехал во главе колонны, и его молчание было тяжелее доспехов. Он почти ни с кем не говорил, отдавая приказы через Ульфгара. Боль от потери Лии не утихла, она просто ушла вглубь, превратившись в вечную, ноющую рану, о которой он старался не думать. Он заполнил пустоту планами, картами, расчетами. Его разум стал крепостью, в которую он не пускал никого, даже самого себя.

Но ночами, когда лагерь засыпал, и единственными звуками были треск костра и храп орков, стены этой крепости

давали трещину. Кошмары возвращались. Он снова и снова видел ее падающее тело, черную дыру на месте сердца, и просыпался в холодном поту, сжимая рукоять клинка, задыхаясь от невысказанного крика.

Именно в одну из таких ночей она пришла к нему.

Лисса.

Она скользнула в его шатер беззвучно, как тень, и села у его походной кровати. Он не спал, просто лежал с открытыми глазами, глядя на колышущийся от ветра полог.

Она ничего не сказала. Она просто протянула руку и коснулась его лба, покрытого испариной. Ее пальцы были прохладными, и это простое, человеческое (или, скорее, нечеловеческое) прикосновение было настолько неожиданным, что он вздрогнул.

– Тише, – прошептала она. – Это всего лишь сон.

– Я не сплю, – хрипло ответил он.

– Нет? – она усмехнулась, но в ее голосе не было насмешки. – А мне кажется, мы все спим. В одном большом, дурном сне, который снится какому-то злому богу. И никак не можем проснуться.

Она не убрала руку. Она начала медленно, осторожно гладить его по волосам. Ее движения были плавными, успокаивающими. В них не было ни соблазна, ни похоти. Лишь странная, почти материнская нежность, которой он не ожидал от нее. Которой он не чувствовал никогда в жизни.

– Зачем ты здесь? – спросил он.

– Потому что я тоже не могу спать, – ответила она, глядя на тлеющий на ее груди камень. – Он приходит ко мне. Мой брат. Не в кошмарах. А в воспоминаниях. Я вспоминаю, как мы были детьми, в огненных садах Пятого Круга. Как он учил меня драться. Как защищал от других, более сильных демонов. Он был таким... простым. Таким настоящим. А я... – она замолчала. – А я всегда была сложной.

Они молчали. Две сломленные души, объединенные не только горем, но и чувством вины. Он винил себя в смерти Лии. Она, как он теперь понял, винила себя в том, что не смогла уберечь своего прямолинейного, яростного брата в этом мире интриг.

– Она бы не хотела, чтобы ты так страдал, – тихо сказала Лисса.

– А он бы не хотел, чтобы ты превратилась в ледяную статую, – так же тихо ответил Каэль.

Она криво усмехнулась.

– Кажется, мы оба плохо справляемся с их последними желаниями.

Она убрала руку с его лба и просто осталась сидеть рядом. Ее присутствие не было навязчивым. Оно было... фоном. Тихим, понимающим. И впервые за много недель Каэль почувствовал, как напряжение, которое стальными обручами сковывало его грудь, немного ослабло. Той ночью он впервые заснул без кошмаров.

Она начала приходить каждую ночь. Иногда они говори-

ли. О прошлом, о пустяках, о звездах. Обо всем, кроме того, что лежало на сердце тяжелым камнем. Иногда они просто молчали. Она сидела рядом, а он спал. Ее присутствие, присутствие другого живого (или неживого) существа, которое понимало его боль без слов, стало для него лекарством. Станным, горьким, но лекарством.

А однажды ночью он проснулся от того, что она плакала. Тихо, беззвучно, ее плечи сотрясались от сдерживаемых рыданий. Она плакала над своим мертвым братом, над своей разбитой жизнью, над всем тем, что она прятала за маской цинизма.

Он не стал ее утешать. Он просто сел и притянул ее к себе. Не как мужчина – женщину. А как один уцелевший в кораблекрушении – другого. Он обнял ее, и она уткнулась лицом в его плечо, и ее слезы, горячие и настоящие, впервые за долгие годы смочили его кожу.

Он гладил ее по волосам, и в этот момент он чувствовал не вожделение, а странное, пронзительное чувство... родства. Они оба были чудовищами, порождениями тьмы. И только друг с другом они могли позволить себе быть слабыми.

В ту ночь они впервые легли в одну постель.

В этом не было страсти. Это было отчаянное бегство от одиночества. Их тела, израненные и уставшие, искали не наслаждения, а простого тепла. Он зарылся лицом в ее черные, пахнущие ночными цветами волосы. Она прижалась

к его груди, слушая, как бьется его сердце – сердце, которое все еще было живым.

Их близость была горькой, как полынь. Это было утешение, построенное на руинах их любви к другим. Это было предательством по отношению к мертвым. И в то же время – единственным, что удерживало их от падения в бездну безумия.

Они спали в объятиях друг друга, и во сне им обоим снилось одно и то же. Не кошмары. А просто серая, безмолвная пустота. И в этой пустоте они были не одни.

Лисса начала что-то чувствовать. Не любовь. Демоны не умеют любить. Но нечто похожее. Странную, болезненную привязанность к этому сломленному полукровке, который был единственным, кто видел ее настоящую, без маски.

А Каэль... он находил в ее объятиях забвение. Она была тьмой, которая не пугала, а укрывала. Она была ядом, который, как ни странно, притуплял боль от другого, более страшного яда в его душе.

Их караван медленно двигался на юг, в самое сердце мертвой пустыни. А во главе него ехали два призрака, которые пытались найти жизнь в объятиях друг друга, не зная, исцеляют они друг друга или, наоборот, тащат в еще более глубокую пропасть.

Их роман был романом пепла. Тихим, горьким и, возможно, обреченным. Но в этом умирающем мире даже у пепла было право на свое последнее, отчаянное тепло.

Глава 16. Паутина и Шепот в Городах

Южные земли встретили их зноем и страхом. Здесь, в вольных баронствах и торговых городах, лежащих между владениями Инквизиции и диким Севером, война ощущалась не лязгом стали, а тихим шепотом на рынках, ростом цен на зерно и пустыми взглядами людей, которые боялись завтрашнего дня. Они были зажаты между молотом и наковальней: фанатиками Инквизиции, видевшими в любом инакомыслии ересь, и растущей угрозой Скверны, о которой доносили чудовищные слухи.

Армия Каэля не пошла на них войной. Огромный караван остановился в предгорьях, в нескольких днях пути от первого крупного города, Эшборна, и превратился в укрепленный лагерь. А Каэль и Лисса начали свою, иную войну. Войну интриг.

Они не явились в города как завоеватели. Первыми туда отправились гоблины-торговцы, чьи караваны, груженные редкой северной рудой и мехами, внезапно предложили местным гильдиям товары по ценам, вдвое ниже рыночных. Затем появились дроу-шпионы, которые, действуя под личиной бродячих артистов и куртизанок, начали собирать слухи и плести свои сети в самых значных и самых богатых домах.

А потом в Эшборн прибыла она. Лисса.

Она явилась не как демонесса или генерал. Она приехала в роскошной, закрытой карете, как знатная дама с севера,

и сняла лучший особняк в городе. Ее сопровождала лишь небольшая, но безупречно вышколенная охрана из дроу, одетых в ливреи несуществующего торгового дома.

Она не требовала аудиенции у барона. Она начала устраивать приемы. Роскошные, декадентские вечера, на которые поначалу, с опаской, а затем – с жадным любопытством, начала стекаться вся местная знать. Вино лилось рекой, играла чарующая музыка, а хозяйка, прекрасная и загадочная, вела умные, тонкие беседы, никогда не говоря о политике напрямую. Она говорила о торговле, об искусстве, о далеких землях. Она слушала. И запоминала.

Каэль в это время не сидел в лагере. Под покровом ночи, используя свои теневые способности, он сам проникал в город. Он ходил по самым темным переулкам, по трущобам, слушал разговоры в тавернах, где сидели простые солдаты и наемники. Он изучал город, как хирург изучает больное тело, находя его слабые точки, его гнойники, его скрытые раны.

Иногда, в своих ночных вылазках, он чувствовал его. Присутствие Азраила. Он не видел ангела, но знал, что тот где-то рядом, наблюдает. И порой происходили странные вещи. Ключевой свидетель, которого искали шпионы Лиссы, «случайно» напивался и выбалтывал все секреты в таверне, где сидел Каэль. Или патруль Инквизиции, идущий по следу их агента, inexplicably сворачивал не в тот переулок. Азраил не вмешивался. Он лишь слегка... подталкивал события. Со-

здавал возможности. Он был не игроком, а невидимой рукой, которая иногда поправляла фигуры на доске, чтобы игра становилась интереснее.

Через две недели почва была готова. Лисса пригласила на тайный ужин барона Эшборна – старого, трусливого, но хитрого интригана, чья власть держалась на хрупком балансе между страхом перед Инквизицией и любовью к собственному золоту.

Они ужинали в зимнем саду, под стеклянным куполом, сквозь который были видны холодные звезды.

– Ваши приемы наделали много шума, леди, – начал барон, нервно вертя в руках бокал. – Агенты Инквизиции уже задают вопросы. Кто вы? Чего вы хотите?

– Я хочу предложить вам будущее, барон, – ответила Лисса, и ее улыбка была острой, как осколок стекла. – Инквизиция предлагает вам «защиту». Но мы оба знаем, что это слово в их устах означает поглощение. Рано или поздно ваш город станет их гарнизоном, ваши налоги – их десятиной, а ваши дочери – послушницами в их храмах.

Она сделала паузу.

– А мы... мы предлагаем вам партнерство. Торговый союз. Мы обеспечим защиту ваших караванов от разбойников и... других угроз. Мы дадим вам доступ к северным рынкам, о которых вы могли только мечтать. А взамен... вы просто закроете глаза на то, что наши отряды иногда будут проходить через ваши земли. И перестанете делиться информаци-

ей с Инквизицией.

– Это предательство! – прошептал барон.

– Нет. Это – бизнес, – поправила Лисса. – И, чтобы вы поняли, насколько мы серьезны...

Дверь в сад открылась, и вошел Каэль. Он был без доспехов, в простой черной одежде, и двигался бесшумно.

Барон вскочил, его рука метнулась к кинжалу.

– Пепел Ямы... – выдохнул он.

– Просто Каэль, – спокойно сказал тот. Он подошел к столу и положил на него небольшой, туго набитый кошель. – Вчера ночью капитан вашей стражи проиграл в кости очень большую сумму. Некому человеку, который предложил ему простить долг в обмен на одну маленькую услугу. Например, вывести из строя подъемный механизм главных ворот на час.

Затем он положил рядом свиток.

– А это – переписка вашей супруги с молодым капитаном из гарнизона соседнего баронства. Очень... пылкая переписка.

Барон сел в кресло, его лицо стало серым.

– Мы не хотим вашей власти, барон, – продолжал Каэль. – Мы не хотим ваш город. Мы хотим, чтобы вы сделали выбор. Продолжать лизать сапоги инквизиторам, которые вас презирают и рано или поздно сожрут. Или стать партнером новой силы, которая уважает независимость. И умеет платить за услуги.

– А если я откажусь? – прохрипел барон.

– Тогда мы просто уйдем, – пожала плечами Лисса. – А этот свиток «случайно» попадет на стол к вашему местному представителю Ордена. А слухи о слабости ваших ворот дойдут до орочьих племен в горах. Выбор за вами.

На следующий день барон Эшборна объявил, что в связи с «угрозой Скверны» он временно закрывает границы своего баронства для всех «вооруженных религиозных формирований». Формально – он остался нейтрален. Фактически – он вонзил нож в спину Инквизиции, лишив их важной базы и разведывательного центра.

И это было только начало. Такую же игру они провернули в двух других городах, каждый раз используя разные рычаги – где-то подкуп, где-то шантаж, где-то играя на старой вражде с соседями. Империя Каэля не росла в размерах. Она росла вглубь, как раковая опухоль, пуская метастазы в самое сердце земель своих врагов, ослабляя их изнутри.

А по ночам, в шатре Каэля, продолжался их собственный, тихий танец. Их близость, рожденная из скорби, начала обретать новые оттенки. Это все еще не была любовь. Это было нечто более сложное.

– Ты становишься хорошим интриганом, – сказала она однажды ночью, лежа в его объятиях и глядя на тени, пляшущие на пологe шатра.

– Ты меня научила, – ответил он.

– Нет, – она покачала головой. – Я лишь дала тебе инструменты. А безжалостность, необходимая для этого... она все-

гда была в тебе. Просто раньше она выходила через клинок. А теперь – через слово.

Она приподнялась на локте и посмотрела на него.

– Что с нами будет, Каэль? Когда все это закончится? Когда ты убьешь всех своих богов и монстров?

Он долго молчал, глядя в ее фиолетовые, меняющие цвет глаза.

– Я не знаю, – честно ответил он.

– Я тоже, – прошептала она. – И, знаешь, что самое страшное? Мне впервые в моей бесконечной жизни... любопытно.

Она поцеловала его. И в этом поцелуе не было ни приказа, ни игры. Лишь горькая нежность двух хищников, которые внезапно обнаружили, что в их общем логове может быть на удивление... уютно.

Их война продолжалась. И на фоне этой великой, кровавой игры в судьбу мира, они вели свою, маленькую, тихую войну. Войну за право на простое, хрупкое тепло в холодной, бесконечной ночи.

Глава 17. Пустыня и Предзнаменования

Паутина, которую плели Каэль и Лисса, становилась все гуще. Вольные города, один за другим, объявляли о «нейтралитете», закрывая свои ворота для легионов Инквизиции. Торговые пути, ведущие на юг, оказались перерезаны не армией, а золотом и шантажом. Великий Инквизитор Гектор, запертый в Гелиополе, приходил в ярость, но ничего не мог

поделать – начать войну против всех вольных баронств одновременно он не мог. Он был вынужден ждать, копить силы и проклинать имя Пепла Ямы, который вел войну не как воин, а как яд.

Но Каэль знал, что это лишь отсрочка. Он выигрывал время, но не решал проблему. Главные угрозы – Спящий, Эхо Ллос, Падшие Трое в его голове – никуда не делись. Они лишь затаились, как хищники в высокой траве.

Пришло время для главного, самого опасного шага.

В одну из ночей, когда над лагерем висела полная, холодная луна, он собрал свой последний военный совет.

– Я ухожу, – сказал он без предисловий, обращаясь к Ульфгару, Бьорну и Гар'Нашу. – Путь лежит в Кхем, за Сердцем Аримана. Это может занять месяцы. Может, годы. Может, я не вернусь вовсе.

Вожди помрачнели.

– Ты снова оставляешь нас? – пророкотал Бьорн. – В самый разгар игры?

– Я иду за козырем, который позволит нам закончить эту игру, – ответил Каэль. – Пока меня не будет, командование армией переходит к вам троим. Ульфгар, ты – кулак. Бьорн, ты – щит. Гар'Наш, ты – клык. Ваша задача – держать оборону. Не ввязывайтесь в большие битвы. Изматывайте Инквизицию. Укрепляйте наши союзы. Просто... продержитесь.

– А ты? – спросил Ульфгар. – Ты пойдешь один?

– Нет, – Каэль посмотрел на Лиссу, которая стояла в те-

ни. – Она пойдет со мной. В Кхеме мне понадобится не только воин, но и тот, кто умеет читать древние письма и разговаривать с теньями мертвых городов.

Лисса молча кивнула. Это было их общее, невысказанное решение, принятое в тишине ночных разговоров.

– И еще один, – добавил Каэль.

В тронный зал, где проходил совет, бесшумно вошел Азраил. Его появление, как всегда, заставило воздух похолодеть.

– Мои... наниматели... очень заинтересованы в том, чтобы Сердце Аримана не попало в плохие руки, – спокойно пояснил ангел. – А поскольку руки у вас обоих, – он обвел взглядом Каэля и Лиссу, – далеко не самые чистые, я буду присматривать, чтобы вы не натворили глупостей. Считайте меня... независимым наблюдателем.

Никто не стал спорить. Присутствие этого странного, печального существа стало привычным. И все, от варвара до демонессы, понимали, что его сила может стать решающим фактором.

Прощание было коротким и суровым. Каэль оставил свою армию, свое королевство, все, что он построил. Он снова стал странником, идущим в неизвестность.

– Возвращайся с победой, повелитель, – сказал ему на прощание Мал'кор, который прибыл из Твердыни Пепла, чтобы принять командование всеми силами дроу. – Или не возвращайся вовсе.

В его словах была высшая форма уважения темных эльфов.

Они отправились втроем. Не с армией, а маленьким, незаметным отрядом. Их путь лежал через земли, которые становились все более дикими и мертвыми. Они видели последствия деятельности Скверны – целые леса, где деревья срослись в единую, пульсирующую массу, и реки, в которых вместо воды текла черная, маслянистая слизь.

И чем дальше они шли на юг, тем сильнее Каэль чувствовал **его**.

Спящего.

Он больше не был просто угрозой. Он стал фоном. Постоянным, низким гулом на краю сознания. И он начал говорить с ним. Не угрожая, а... сочувствуя.

<Ты идешь за оружием против меня, дитя Раскола,> – шелестел его голос в снах Каэля. – <Но ты ищешь не там. Твой главный враг – не я. А они. Те, кто тебя предал. Те, кто запер меня в этой агонии. Приди ко мне, Каэль. Вместе мы сможем исцелить этот мир. Покончить с болью. С одиночеством. Навсегда.>

Каэль просыпался, и его сердце колотилось от этого соблазнительного, полного лживой мудрости шепота.

Лисса тоже чувствовала перемены. Чем ближе они подходили к древним землям Кхема, тем беспокойнее вело себя Сердце ее брата. Камень то вспыхивал яростным багровым светом, то становился холодным, как лед.

– Что-то не так, – сказала она однажды вечером, когда они сидели у костра. – Здесь... пахнет Адом. Но не тем, который я знаю. Другим. Более древним.

– Кхем был первым местом в этом мире, где смертные научились открывать врата в иные реальности, – пояснил Азраил, глядя в огонь своими печальными глазами. – Цари-Чародеи заключали сделки не с князьями вроде Бельфегора. Они говорили с теми, кто был до них. С первородными демонами. С сущностями чистого хаоса. Земля здесь помнит это. Она пропитана их эхом.

– Значит, гробница будет не просто с ловушками, – заключил Каэль.

– Гробница будет адом в миниатюре, – кивнул Азраил. – И ее стражи – не просто духи. Это эхо тех самых сущностей, с которыми Цари заключили свои сделки.

Они пересекли последнюю границу – высохшую реку, русло которой было усеяно костями гигантских, доисторических тварей. И перед ними раскинулась она.

Великая Пустыня Кхем.

Это была не просто пустыня. Это был океан пепла и костей. До самого горизонта простирались черные, как уголь, пески, над которыми дул горячий, сухой ветер, несущий с собой шепот миллионов мертвых. А на горизонте, как клыки мертвого бога, торчали из песка верхушки полузасыпанных пирамид и обелисков.

Мир здесь умер тысячелетия назад. Но его смерть не была

спокойной. Она была здесь. Живая, голодная, ждущая.

В ту же ночь им приснился один и тот же сон.

Они стояли посреди этой пустыни, и над ними было не небо, а гигантское, багровое око. И оно смотрело на них. А из песка вокруг них поднимались фигуры. Не мертвецы. А воины, сотканные из самого песка, и глаза их горели тем же багровым светом, что и око в небе.

И голос, древний, как сама пустыня, пророкотал в их головах:

«Вы пришли в мое царство, смертные. Вы пришли за моим сердцем. Но Кхем не отдает своих сокровищ. Он их забирает. И ваши души станут прекрасным дополнением к моей коллекции».

Они проснулись одновременно. Костер погас. Вокруг их лагеря, в нескольких десятках шагов, стояли они. Песчаные воины из их сна. Они не двигались. Просто стояли и смотрели.

– Похоже, хозяин гробницы знает, что мы пришли, – проговорила Лисса, и в ее голосе впервые за долгое время прозвучало нечто похожее на страх.

– Это не он, – сказал Азраил, поднимаясь на ноги. Его лицо было серьезным, как никогда. – Это – **Хранитель**. Последний из Царей-Чародеев, который привязал свою душу к этой пустыне, чтобы вечно охранять Сердце Аримана. И он не позволит нам даже приблизиться.

Каэль посмотрел на молчаливую армию, сотканную

из песка и вековой воли.

– Похоже, сначала нам придется убить бога-хранителя, – сказал он. – А уже потом идти грабить его гробницу.

Их поход только что стал неизмеримо сложнее. И смертоноснее.

Глава 18. Эхо Черного Солнца

Армия из песка не нападала. Она просто была. Безмолвные воины, идеальные копии гвардейцев Царей-Чародеев, стояли по периметру их лагеря, их обсидиановые глаза, лишённые зрачков, следили за каждым движением. Это была не осада. Это была клетка, стены которой были сотканы из пустыни и воли давно умершего бога.

– Мы не можем прорваться, – констатировала Лисса после нескольких часов наблюдения. Она послала одну из своих теней-шпионов на разведку, и та растворилась, едва коснувшись первого ряда песчаных воинов, словно ее стерли из реальности. – Их нельзя убить. Они не живые и не мертвые. Они – сама пустыня.

– Он играет с нами, – сказал Каэль. Он сидел у едва тлеющего костра, его взгляд был прикован к фигурам. – Хранитель. Он не хочет нас убивать. Он хочет нас... изучить. Понять, что за насекомые осмелились заползти в его песочницу.

Азраил, стоявший чуть поодаль, молча смотрел на горизонт, где из-за черных дюн медленно поднималось багровое,

больное солнце.

– Он ждет, – наконец произнес он. – Он ждет, когда Черное Солнце Кхема встанет в зенит. В этот час граница между миром живых и миром духов этой пустыни истончается. Тогда он сможет явиться лично. И тогда он будет судить нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.